

ISSN 2409-8728 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 28-01-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Спирова Эльвира Маратовна, доктор философских наук, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 28-01-2023

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Spirova El'vira Maratovna, doktor filosofskikh nauk, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Апресян Рубен Грантович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Оренбурге. E-mail: erlitz@yandex.ru

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Сергеев Михаил Юрьевич — доктор философии (Ph.D.), профессор, профессор-адъюнкт, Отделение либеральных искусств, Университет искусств (США). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Сафонов Андрей Леонидович – доктор философских наук, доцент, директор института «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет»». 141070. Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Фаритов Вячеслав Тависович – доктор философских наук, доцент, Ульяновский государственный технический университет, 432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32 vfar@mail.ru

Храпов Сергей Александрович – доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Высшего образования «Астраханский государственный университет», профессор кафедры философии, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20 а, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Артеменко Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, Украина, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Прилуцкий Александр Михайлович – доктор философских наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, профессор, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской

государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Коротких Вячеслав Иванович – доктор философских наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, профессор кафедры философии, социальных наук и журналистики, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, shortv@yandex.ru

Беляев Игорь Александрович – доктор философских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор кафедры философии и культурологии, 460018. Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13, igorbelvaev@list.ru

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Чвякин Владимир Алексеевич – доктор философских наук, профессор, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства Обороны Российской Федерации, профессор кафедры социологии, 195805@mail.ru

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, 7. 346428 г. Новочеркасск, Ростовская обл., ул. Просвещения 132. vodenkok@mail.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, г. Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Даниелян Наира Владимировна – доктор философских наук, профессор Национальный исследовательский университет "МИЭТ", кафедра философии и социологии, 124575, Россия, г. Москва, Зеленоград, ул. Зеленоград, 904,

Сидоров Алексей Михайлович – кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра онтологии и теории познания, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская наб., 7/9,

Запесоцкий Александр Сергеевич — доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ, академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии наук. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. 192238, Санкт-Петербург, улица Фучика, 15.

Аршинов Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Бёрд Роберт (Bird Robert) — доктор философии, профессор Чикагского университета (США). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Гиренок Фёдор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета. Тверской государственный университет. 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Делягин Михаил Геннадьевич — доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации. Институт проблем глобализации. 125009, Россия, Москва, Газетный переулок, д. 5.

Денн Мариз (Dennes Maryse) — доктор, профессор Университета им. Монтеня Бордо-3, директор программы центра гуманитарных наук Аквитании (MSHA) и коллектива исследований славянских цивилизаций (CERCS), эксперт Министерства высшего

образования по международным научным программам (Франция). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Московский гуманитарный университет. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, д 5/1.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Института философии Российской академии наук, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Миронов Владимир Васильевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, декан философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Намли Елена (Namli Elena) – доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Обермайер Бригитте (Obermayr Brigitte) — доктор философии, научная сотрудница Института общего литературоведения и компаратистики им. П. Сцонди Берлинского свободного университета. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstra?e 2-4 14195

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, главный редактор журналов «Философская мысль». 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Фройденталь Гидеон (Freudenthal Gideon) — доктор философии, профессор Института Кона истории и философии науки и идей Тель-Авивского университета (Израиль). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Чичовачки Предраг (Cicovacki Predrag) — доктор, профессор Колледжа Св. Креста (США). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества. Российское философское общество. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Шахнович Марианна Михайловна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.

Шестопа́л Алексе́й Викто́рович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского института международных отношений (Университет МГИМО). Университет МГИМО. 119454, Москва, проспект Вернадского, дом 76.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологи. 119072, Россия, г. Москва, Берсенеvская набережная, 18-20-22, строение 3.

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Колесникова Галина Ивановна - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного университета правосудия (Крымский филиал), 295006, Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5 galina_kolesnik@mail.ru galina_ivanovna@kolesnikova.red

Бесков Андрей Анатольевич - кандидат философских наук, заведующий лабораторией "Трансформация духовной культуры в современном мире", Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. 603005, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, л. Ульянова, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный

университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, eiarinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, внс, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, кв. 28, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg State University», 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, кв. 116, igorbelyaev@list.ru

Бесков Андрей Анатольевич - Doctor of Philosophy (Ph. D), ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Заведующий лабораторией «Трансформация духовной культуры в современном мире», 603162, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, 116, beskov_aa@mail.ru

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в Оренбурге, профессор, 460040, Россия, Оренбург область, г. Оренбург, проспект Гагарина, 23/3, erlitz@yandex.ru

Грибер Юлия Александровна - доктор культурологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», профессор, директор Лаборатории цвета, 214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. 2-я Линия Красноармейской Слободы, 9, кв. 10, Y.Griber@gmail.com

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Коротких Вячеслав Иванович - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина", профессор кафедры философии и социальных наук, 399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 58, кв. 4, shortv@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Ларин Юрий Викторович - доктор философских наук, безработный (с 1.09.2019) пенсионер (22.06.1953), 625000, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Фармана Салманова, 4, кв. 49, jvlarin@mail.ru

Малинов Алексей Валерьевич - доктор философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор, Социологический институт РАН - филиал ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник, 199178, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург,

ул. 15 линия В.О., 12, кв. 49, a.v.malinov@gmail.com

Мамедалиев Закир Гурбан - доктор философских наук, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), профессор кафедры "Гуманитарные дисциплины", AZ 1015, Азербайджан, г. Баку, ул. Ингилаб Исмаилов, 48, кв. 79, zakirm57@mail.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Профессор, 660020, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, кв. 1, krasfilmanager@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Орлов Сергей Владимирович - доктор философских наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение "Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения", профессор кафедры истории и философии, Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. Сетевое издание (ISSN 2309-6888, свидетельство и регистрации ЭЛ №ФС77-54191), Главный редактор, 191180, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Загородный проспект, 21-23, кв. 243, orlov5508@rambler.ru

Пермиловская Анна Борисовна - доктор культурологии, ФГБУН Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаврова УрО РАН, ,заведующая, главный научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музейных практик, 163009, Россия, Архангельская обл. область, г. г Архангельск, Архангельская обл., наб. Сев.Двины, 23, оф. 314, annaperm@fciaarctic.ru

Попов Евгений Александрович - доктор философских наук, Алтайский государственный университет, профессор кафедры социологии и конфликтологии, 656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 520, popov.eug@yandex.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, vavasut@yandex.ru

Чебунин Александр Васильевич - доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Восточно-Сибирский государственный институт культуры, профессор, 670031, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 5, кв. 536, chebunin1@mail.ru

Скороходова Татьяна Григорьевна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Пензенский государственный университет", профессор кафедры "Теория и практика социальной работы", 440071, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Ладожская, 99, кв. 9, skorokhod71@mail.ru

Римонди Джорджия - PhD (Slavic studies), Сиенский университет для иностранцев,

старший исследователь, Центр русского языка и культуры имени А.Ф. Лосева при МПГУ,
внештатный сотрудник, 53100, Италия, г. Сиена, р.le Rosselli, 27/28, каб.
206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Editorial collegium

Ruben Grantovich Apresyan — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Ethics Sector, Head of the Department of Axiology and Philosophical Anthropology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Gonchamaya str., 12, p. 1.

Gorokhov Pavel Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch in Orenburg. E-mail: erlitz@yandex.ru

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Gonchamaya str., 12, p. 1.

Sergeyev Mikhail Yurievich — Doctor of Philosophy (Ph.D.), Professor, Associate Professor, Department of Liberal Arts, University of the Arts (USA). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Khrenov Nikolay Andreevich — Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Safonov Andrey Leonidovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University". 141070. Moscow region, Korolev, Gagarin str., 42
zumsiu@yandex.ru

Orlov Sergey Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Vyacheslav Tavisovich Faritov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Ulyanovsk State Technical University, 32 Severny Venets str., Ulyanovsk, 432027, Russia vfar@mail.ru

Khrapov Sergey Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution Higher Education "Astrakhan State University", Professor of the Department of Philosophy, 414056, Astrakhan, Tatishcheva str., 20 a, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Artemenko Andrey Pavlovich – Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Ukraine, Kharkiv, Bursatsky descent str., 4, prof.artemenko@mail.ru

Prilutsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Philosophy, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Professor, 48 Moika River Embankment, St. Petersburg, 191186, alpril@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, I.A. Bunin

Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy, Social Sciences and Journalism, 28 Kommunarov Str., 399770, Lipetsk Region, Yelets, shortv@yandex.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, 460018. Orenburg region, Orenburg, ave. Victory, d. 13, igorbelvaev@list.ru

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Chvyakin Vladimir Alekseevich – Doctor of Philosophy, Professor, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Professor of the Department of Sociology, 195805@mail.ru

Vodenko Konstantin Viktorovich – Doctor of Philosophy, Professor, M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), 7. 346428 Novocherkassk, Rostov region, 132 Prosveshcheniya str. vodenkok@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village. Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Danielyan Naira Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Professor, National Research University "MIET", Department of Philosophy and Sociology, Moscow, Zelenograd, Zelenograd str., 904, 124575, Russia,

Sidorov Alexey Mikhailovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, Department of Ontology and Theory of Cognition, 199034, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9,

Zapesotsky Alexander Sergeevich — Doctor of Cultural Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Artist of the Russian Federation, academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Education, Rector of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, corresponding member of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. 15 Fuchika Street, Saint Petersburg, 192238.

Arshinov Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Bird Robert is a Doctor of Philosophy, professor at the University of Chicago (USA). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University. Tver State University. 33 Zhelyabova str., Tver, 170100, Russia.

Mikhail G. Delyagin — Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Globalization. Institute of Problems of Globalization. 5 Gazetny Lane, Moscow, 125009, Russia.

Denne Maryse (Dennes Maryse) — doctor, professor at the University. Montaigne Bordeaux-3, Program Director of the Aquitaine Humanities Center (MSHA) and the Slavic Civilizations Research Collective (CERCS), expert of the Ministry of Higher Education on international scientific programs (France). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ilyinsky Igor Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the Moscow University for the Humanities. Moscow University for the Humanities. 5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Lector Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Cognition of the Institute of

Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the International Editorial Board of the journal "Questions of Philosophy". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Mironov Vladimir Vasilyevich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Namli Elena is a Doctor of Ethics, professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Obermayer Brigitte (Obermayr Brigitte) is a Doctor of Philosophy, a researcher at the P. Scondi Institute of General Literary Studies and Comparative Studies of the Free University of Berlin. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstra?e 2-4 14195

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Section of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journals "Philosophical Thought". 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Freudenthal Gideon is a Doctor of Philosophy, professor at the Cohn Institute of History and Philosophy of Science and Ideas at Tel Aviv University (Israel). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Cicovacki Predrag is a doctor, professor at the College of the Holy Cross (USA). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society. Russian Philosophical Society. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Shakhnovich Marianna Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University. St. Petersburg State University 199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9.

Alexey Viktorovich Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Moscow Institute of International Relations (MGIMO University). MGIMO

University. 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Berezantsev Andrey Yurievich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Kolesnikova Galina Ivanovna - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines Russian State University of Justice (Crimean branch), 295006, Southern Federal District, Republic of Crimea, Simferopol, Pavlenko str., 5 galina_kolesnik@mail.ru
galina_ivanovna@kolesnikova.red

Beskov Andrey Anatolyevich - Candidate of Philosophical Sciences, Head of the laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the modern world", Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin. 603005, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, L. Ulyanova, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, earinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, sq. 28, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, sq. 116, igorbelyaev@list.ru

Beskov Andrey Anatolyevich - Doctor of Philosophy (Ph. D), Kozma Minin Nizhny Novgorod

State Pedagogical University, Head of the Laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the Modern World", 116 Vaneeva str., Nizhny Novgorod, 603162, Russia, Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, beskov_aa@mail.ru

Pavel Aleksandrovich Gorokhov - Doctor of Philosophy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg Branch, Professor, 23/3 Gagarin Avenue, Orenburg, 460040, Russia, Orenburg Region, Orenburg, erlitz@yandex.ru

Griber Yulia Aleksandrovna - Doctor of Cultural Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Smolensk State University", Professor, Director of the Color Laboratory, 214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, 2nd Line of the Krasnoarmeyskaya Sloboda, 9, sq. 10, Y.Griber@gmail.com

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov - Doctor of Philosophy, I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, 399770, Russia, Lipetsk Region, Yelets, 58 Kommunarov str., sq. 4, shortv@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Larin Yuri Viktorovich - Doctor of Philosophy, unemployed (since 1.09.2019) retired (22.06.1953), 625000, Russia, Tyumen region, Tyumen, ul. Farman Salmanova, 4, sq. 49, jvlarin@mail.ru

Malinov Alexey Valeryevich - Doctor of Philosophy, St. Petersburg State University, Professor, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences - Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, leading Researcher, 199178, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, ul. 15 liniya V.O., 12, sq. 49, a.v.malinov@gmail.com

Mammadaliyev Zakir Gurban - Doctor of Philosophy, Azerbaijan State University of Economics (UNEC), Professor of the Department of Humanities, AZ 1015, Azerbaijan, Baku, Ingilab Ismailov str., 48, sq. 79, zakirm57@mail.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, sq. 1, krasfilmanager@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 liniya, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Orlov Sergey Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Federal State Autonomous Educational Institution "St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation", Professor of the Department of History and Philosophy, Philosophy and Humanities in the Information Society. Online edition (ISSN 2309-6888, certificate and registration of E-mail No.FS77-54191), Editor-

in-chief, 191180, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Zagorodny Prospekt str., 21-23, sq. 243, orlov5508@rambler.ru

Permilovskaya Anna Borisovna - Doctor of Cultural Studies, Academician N.P. Laverov Federal Research Center for the Integrated Study of the Arctic, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Head, Chief Researcher of the Scientific Center for Traditional Culture and Museum Practices, 163009, Russia, Arkhangelsk Region, Arkhangelsk region, nab. Sev.Dvina, 23, of. 314, annaperm@fciaarctic.ru

Popov Evgeny Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Altai State University, Professor of the Department of Sociology and Conflictology, 656049, Russia, Altai Krai, Barnaul, Dimitrova str., 66, office 520, popov.eug@yandex.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management (branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035, Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Chebunin Alexander Vasilyevich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education East Siberian State Institute of Culture, Professor, 670031, Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, ul. Tereshkova, 5, sq. 536, chebunin1@mail.ru

Skorokhodova Tatiana Grigoryevna - Doctor of Philosophy, Penza State University, Professor of the Department "Theory and Practice of Social Work", 440071, Russia, Penza region, Penza, 99 Ladozhskaya str., sq. 9, skorokhod71@mail.ru

Rimondi Georgia - PhD (Slavic studies), Siena University for Foreigners, Senior Researcher, Losev Center for Russian Language and Culture at the Moscow State University, Freelance, 53100, Italy, Siena, p.le Rosselli, 27/28, room 206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

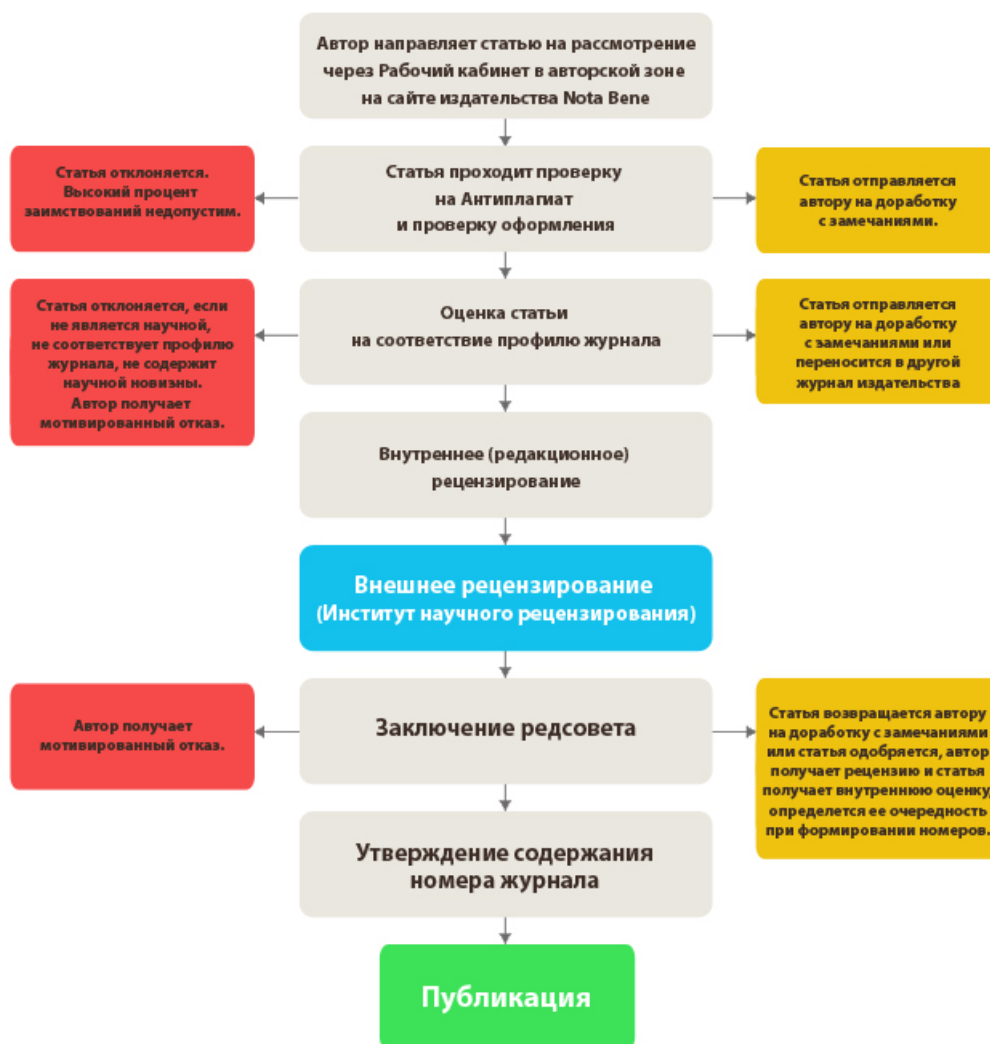
Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Тихонов А.С., Семенов В.Г., Михайлова Р.В., Агаева Е.В., Воробьев Д.Н., Иванова Е.Н., Сергеева Н.А. От когнитивной археологии к теории развития разума, вовлечённого в материальный мир. Основания теории материальной вовлеченности Л. Малафуриса	1
Яшин Б.Л. Неклассические логики в современной науке	15
Малахова Е.В. Цивилизационные основания социогуманитарных критериев оценки технологических инноваций	26
Кузьмин П.А. Семиотический метод как аспект методологии социальной философии: опыт С.С. Аверинцева	42
Богданова В.О. Философский подход к изучению практик самопознания	54
Англоязычные метаданные	64

Contents

Tikhonov A.S., Semenov V.G., Mikhailova R.V., Agaeva E.V., Vorobev D.N., Ivanova E.N., Sergeeva N.A. From Cognitive Archaeology to a Theory of the Mind, Involved in the Material World. The Foundations of Lambros Malafouris' Material Engagement Theory	1
Iashin B.L. Non-Classical Logics in Modern Science	15
Malakhova E.V. Civilizational Foundations of Socio-Humanitarian Criteria for Evaluating Technological Innovations	26
Kuz'min P.A. The Semiotic Method as an Aspect of the Methodology of Social Philosophy: the Experience of S.S. Averintsev	42
Bogdanova V.O. A philosophical approach to the study of self-knowledge practices	54
Metadata in english	64

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Тихонов А.С., Семенов В.Г., Михайлова Р.В., Агаева Е.В., Воробьев Д.Н., Иванова Е.Н., Сергеева Н.А. — От когнитивной археологии к теории развития разума, вовлечённого в материальный мир. Основания теории материальной вовлеченности Л. Малафуриса // Философская мысль. — 2023. — № 1. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.1.39600 EDN: BRAMLU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39600

От когнитивной археологии к теории развития разума, вовлечённого в материальный мир. Основания теории материальной вовлеченности Л. Малафуриса

Тихонов Анатолий Сергеевич

доктор философских наук

профессор, кафедра общеобразовательных дисциплин, Чувашский государственный аграрный университет

428000, Россия, республика Чувашия, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, 29

✉ tihonov.1957@gmail.com**Семенов Владимир Григорьевич**

доктор биологических наук

профессор, кафедра морфологии, акушерства и терапии, Чувашский государственный аграрный университет

42800, Россия, республика Чувашия, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, 29

✉ semenov_v.g@list.ru**Михайлова Рената Васильевна**

доктор философских наук

профессор, кафедра общеобразовательных дисциплин, Чувашский государственный аграрный университет

42800, Россия, республика Чувашия, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, 29

✉ kafood18@yandex.ru**Агаева Екатерина Васильевна**

кандидат исторических наук

доцент, кафедра общеобразовательных дисциплин, Чувашский государственный аграрный университет

428000, Россия, республика Чувашия, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, 29

✉ ekagaeva@yandex.ru**Воробьев Дмитрий Николаевич**

ORCID: 0000-0002-0581-4500

кандидат философских наук

ст. преподаватель, Русский институт метатехнологий (Институт iSpring)

424000, Россия, республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Вознесенская, 110

✉ vorobjov.d@gmail.com**Иванова Елена Николаевна**

кандидат филологических наук

доцент, кафедра общеобразовательных дисциплин, Чувашский государственный аграрный университет

428000, Россия, республика Чувашия, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, 29

✉ ien161110@mail.ru

Сергеева Надежда Александровна

старший преподаватель, кафедра общеобразовательных дисциплин, Чувашский государственный аграрный университет

428000, Россия, республика Чувашия, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, 29

✉ vospitsna@list.ru

[Статья из рубрики "Философия познания"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.1.39600

EDN:

BRAMLU

Дата направления статьи в редакцию:

10-01-2023

Дата публикации:

17-01-2023

Аннотация: Целью исследования является выявление концептуальных оснований теории материальной вовлеченности (Material Engagement Theory) Ламброса Малафуриса. Для осуществления цели нами были использованы сравнительно-исторический и аналитико-интерпретативный методы, которые позволили эксплицировать генезис, основные допущения и понятия этой теории. В частности, нами показано, что теория развития разума, вовлечённого в материальный мир, возникает в русле когнитивно-процессуальной археологии, основоположником которой является Колин Ренфрю. Привлекая свидетельства материальной культуры, её сторонники пытаются ответить на вопрос возникновения и развития когнитивных функций человека. Для поиска ответа на этот вопрос, Малафурис использует трактовку разума как расширенного во внешний мир, использует метафору творческой динамической коэволюции. Разум возникает и функционирует в ходе продолжающегося процесса взаимной энактивации воплощенного разума и материальной среды обитания. Для выявления особенностей трактовки этой коэволюции, мы эксплицировали ключевые понятия теории материальной вовлеченности: метапластичность, материальная агентность и материал-энактивирующая сигнификация. Они характеризуют эффекты процесса когнитивно-материального взаимодействия. Научная новизна заключается в том, что исследование вносит вклад в осмысление эвристического потенциала теории

материальной вовлеченности, формирующейся в рамках исследовательской программы воплощенного познания.

Ключевые слова:

воплощенное познание, энактивизм, сигнификация, материальный знак, когнитивная наука, нейроархеология, расширенное познание, теория материальной вовлеченности, материальная агентность, энактивный знак

В последние годы продолжается развитие «экстерналистской парадигмы» в современной философии и когнитивной науке. Одной из плодотворных попыток по-новому осмыслить процесс человеческого сознания за счет включения в поле научно-философской рефлексии реальных условий жизнедеятельности человека является исследовательская программа «воплощенного познания» (*embodied cognition*). Ключевая идея этой программы – идея укоренённости познания в опыте взаимодействия физического тела с окружающим миром. Одним из перспективных направлений, получившим развитие в рамках программы «воплощенного познания», стала теория материальной вовлеченности (*Material Engagement Theory*) Ламброса Малафуриса.

Эта концепция возникла как вторая волна когнитивно-процессуальной археологии, основоположником которой был учитель Малафуриса, известный английский археолог Колин Ренфрю [\[41\],\[42\],\[43\],\[44\],\[46\],\[47\]](#). Когнитивно-процессуальная археология была призвана объяснить как «использовать существующие методы археологического исследования для изучения раннего использования символов и развития когнитивных процессов» [\[46, с. 4\]](#); каким образом археология, как наука о формах материальной культуры человека (а к таким формам относятся конкретные воплощения социально-культурных практик в вещах, артефактах, предметах и материальных знаках), может стать партнером когнитивных наук, изучающих становление человеческого разума [\[46, с. 4-12\]](#). Исследуя то, как возникают знаки и символы, как фактически использовались символы предками современных людей, когнитивная археология пытается ответить на два вопроса. Во-первых, на вопрос об эволюции когнитивных способностей от более ранних форм жизни, через ископаемых обезьян к австралопитеку, *Homo habilis*, *Homo erectus* и *Homo sapiens*. Во-вторых, в какой степени мышление *Homo sapiens* в ранних обществах отличалось от «современного мышления» [\[46, с. 6\]](#).

Малафурис заявляет, что в поиске ответов на эти вопросы, ученым, вслед за археологами, необходимо вернуться к вещам; нужно всерьез отнестись к материальности человеческого тела, культуры и самого разума. Человеческий разум, для Малафуриса, это не «бесплотный призрак системы обработки информации, пойманный в лабораториях нейронаук» [\[28, с. 133\]](#), а эффект материально опосредованного действия. Малафурис заявляет о важной роли творчества, создания новых инструментов и материальных форм, взаимодействия с материальными объектами, телами для понимания разума и процесса становления сознания человека как вида [\[27\],\[29\]](#). Он считает, что артефакты – это не внешние продукты человеческого мышления, а скорее интегральные части самого процесса мышления, поэтому изучая артефакты можно изучить человеческое мышление.

Концепция материальной вовлеченности была разработана в ряде работ Ламброса Малафуриса, написанных единолично и с коллегами, а в систематическом виде теория была изложена в книге 2013 года «Как вещи формируют разум: теория материальной

вовлечённости» [28]. Идеи этой концепции конвергентны принципам концепций радикального энактивизма (см: [18],[12]), расширенного сознания [13], распределенного познания (см: [16],[17]), акторно-сетевой теории (см: [23] и др.) и постфеноменологии [20],[19].

Малафурис представляет взаимодействие между людьми и вещами опираясь на принципы реляционно-холистической онтологии [28, с. 35]. В концепции Малафуриса материальные вещи не являются пассивным материалом, который использует человек в своей деятельности; они обладают некоторой «агентностью», т.е. способностью быть агентами действия, воздействовать на человека. Человек, как биосоциальное существо, трансформирует окружающую среду, творит и использует артефакты, которые, в свою очередь, задают условия и возможности человеческой жизнедеятельности. Человеческий мозг, человеческое тело и деятельность, а также продукты этой деятельности (такие как инструменты, знаки, материальные вещи), не существуют по отдельности, они вовлечены в континуум взаимодействия. В этом континууме нет центра и периферии, нет внутреннего мира и внешнего, объекта и субъекта. Агентность не является свойством людей или вещей, а скорее возникает как эффект или свойство процесса материального взаимодействия [28, с. 18].

Критика когнитивизма и теории репрезентации

Центральное место в теории Малафуриса занимает критика «традиционного когнитивизма» в психологии и теории репрезентации. Когнитивизм, возникший в 1950 гг., а стал доминирующим в 1970-е гг, характеризует использование метафоры разума как вычислительного устройства. Разум находится в мозге человека и занимается вычислениями. В ходе этих вычислений происходит обработка информации из внешнего мира и во внутренней памяти разума накапливаются репрезентации реальности. Психические процессы рассматриваются по аналогии с вычислительными процессами в компьютере [15, с. 215-226]. Когнитивизм, в таком понимании, относится к т.н. интерналистским, «интракраниальным» теориям разума и строится на следующих допущениях: разум находится внутри человека и локализован в мозге; следует проводить четкую границу между когнитивными (внутриголовными) процессами и процессами взаимодействия разума с внешней, некогнитивной, материальной средой; репрезентации существуют только в сознании; артефакты – продукты человеческой деятельности во внешнем мире. (см. подробнее: [10, с. 43-64]).

Малафурис критикует картезианство и интерналистскую трактовку разума, возникшую в традиционном когнитивизме, с позиций теории воплощенного (*embodied mind / cognition*) [51], энактивного [4] и расширенного познания (*extended cognition*) [13],[14]. Для энактивного подхода, не существует центра, из которого происходит познание [38],[18]. Всё когнитивное становление является результатом непрекращающегося взаимодействия между мозгом, телом и окружающей средой. Ключевым понятием становится *опыт*, понимаемый как контекстуальный и воплощенный. Мир энактивирует разум. Последний, в свою очередь, энактивирует окружающую среду. Так мир и разум начинают обуславливать друг друга [4, с. 173-174],[3].

Познавательная метафора компьютера непродуктивна потому, что она основана на недопустимом упрощении и не учитывает реальные параметры существования человека как биосоциального существа, не может объяснить, как возник и эволюционирует этот компьютер. По Малафурису, противопоставление разума и материи, субъекта и объекта

является категориальной ошибкой. Критикуя теорию репрезентации в когнитивизме, она пишет, что репрезентация здесь – это лишь «механизм, с помощью которого мы можем питать наш когнитивный аппарат фактами и информацией внешнего мира» [\[28, с. 26\]](#), что «единственные репрезентации, имеющие существенное или реальное значение для человеческого познания, обнаруживаются вне головы» [\[28, с. 31\]](#).

Вместо вычислительной метафоры, Малафурис предлагает использовать метафору творческой динамической коэволюции. Разум возникает и функционирует в ходе взаимной энактизации воплощенного мозга и окультуриваемой материальной среды обитания. Познание есть производство смыслов в процессе динамического взаимодействия воплощенного мозга и форм материально-технической культуры. При этом разум не локализован в «пространстве между ушами», т.к. невозможно четко отделить мозг от нервной системы, а работу нервной системы от работы других физиологических систем, отделить разум от продуктов деятельности разума. Разум, с этой точки зрения, уже не только «движущее начало» материального взаимодействия, но эффект этого процесса. Артефакты – это не столько внешние продукты человеческого мышления, а скорее интегральные части самого процесса мышления. По Малафурису, невозможно разделить биологическую и культурную эволюцию человека. Изобретая и используя когнитивные инструменты (символы, система счета) и материальные инструменты (молоток или зубило), воплощенный мозг создает окультуренную среду. Последняя, в свою очередь, задаёт условия и возможности дальнейшей эволюции человека, использования технических новшеств, которые преобразуют культурную среду и т.д.

Основные постулаты теории материальной вовлеченности

Для того, чтобы лучше понять смысл теории Малафуриса, мы эксплицируем постулаты и идеи, которые сам автор теории материальной вовлеченности энактируемого разума считает ключевыми. Это метапластичность, материальная агентность и материал-энактирующая сигнификация. Все они, с точки зрения Малафуриса, должны рассматриваться как взаимосвязанные характеристики или *эффекты процесса* динамического взаимодействия расширенного воплощенного разума с преобразованной материальной средой.

Метапластичность. Малафурис исходит из предположения о том, что познание было теснейшим образом переплетено с материальной культурой на протяжении всей творческой коэволюции разума и преобразованной среды обитания человека, нейропластичность (способность мозга изменяться) конвергентна культурной пластичности (изменчивости способов материализации вещей) [\[24\], \[28\]](#). Ход этой эволюции разума и материально-технической культуры характеризует наличие петли обратной связи: изменения когнитивных функций проявляются в изменении форм материальной культуры и наоборот [\[30\], \[31\]](#).

Идея метапластичности симбиотической коэволюции разума и материальной культуры конвергентна концепции расширенного (*extended*) познания [\[32\]](#). Эта концепция переосмысливает соотношение между внешним и внутренним миром познающего субъекта, между причиной и следствием в процессе познания. Сторонники т. н. «активного экстернализма», сформулированного Э. Кларком и Д. Чалмерсом [\[13\]](#), полагают, что артефакты, – при этом не важно «материальные» они или «идеальные», – фактически становятся частью психики, а психический процесс расширяется во внешний, вещный мир. Например, системы счета (числовые множества, математические символы,

операции с ними и т.д.) являются артефактами человеческого разума. Очевидно, что применение систем счета трансформирует когнитивные возможности человека; аналогично и использование письма (блокнота для записей и авторучки) или подобного приложения для смартфона расширяет в материальный мир память человека. Концепция расширенного познания может быть трансформирована к концепции распределенного познания, когда знание понимается как социально распространенное (*socially extended*) на других агентов, на людей с которыми мы тесно сотрудничаем [31].

Малафурис использует методологический принцип симметрии объяснения. Принцип возникает в «сильной программе» социологии знания Дэвида Блур, а более радикальном виде используется в социологии перевода (акторно-сетевой теории) Джона Ло, Бруно Латура с последователями или концепции «танца агентности» между людьми и артефактами Эндрю Пикеринга [40], в которых постулируется объяснительная и деятельная симметрия между человеческими и нечеловеческими агентами, их взаимное переплетение. Малафурис предлагает отказаться от особого статуса человека как субъекта и нескончаемого источника активности, которому противостоят пассивные объекты. Он предлагает отнестись к материальной культуре всерьез, исследовать конституирующее воздействие материальной культуры на человека [28].

Понятие метапластичности у Малафуриса не совпадает с понятием метапластичности в нейронауке. Первоначально Уиклиф Абрахам и Марк Беар ввели понятие метапластичности для характеристики пластичности отдельных синапсов мозга, для характеристики ситуации, когда предыдущая история активности синапса определяет его текущую пластичность [9]. Метапластичность в теории Малафуриса это метафора способности людей и вещей пластично меняться в ходе их взаимодействия. То есть у Малафуриса метапластичность есть расширенная в материальный мир нейропластичность. Метапластичность характеризует эмерджентную петлю обратной связи процесса взаимного конституирования пластичного разума и меняющейся материально-технической культуры [39].

В этом контексте разум человека следует понимать как «биологический артефакт», потому что он больше не является продуктом естественного отбора. Появление и развитие разума, с этой точки зрения, обусловлены предшествующими результатами деятельной адаптации воплощенного мозга к существованию в преобразованной среде [30], [28]. При этом разум у Малафуриса понимается не как вещь, а как процесс. Человек и его психика открыты внешней среде и переменам, принципиально не завершены [34]. Культурные практики, оформленные в виде артефактов, создавая новые возможности и предметы потребностей, выступают агентами перемен [28], [31].

Справедливости ради, стоит отметить, что идея тесной взаимосвязи эволюции человеческого разума и эволюции культуры не является новой. Новизна теории Малафуриса в том, как, с помощью каких метафор и понятий, он объясняет механизм этой взаимосвязи, какие акценты расставляет. В 1980–1990 гг. была сформулирована теория генно-культурной коэволюции человека. Ее сторонники пишут о значимом культурном влиянии человеческой деятельности на генетическую эволюцию человека, о необходимости по-новому осмыслить изначальное влияние культуры человека на его биологию [50]. Такая трактовка развития человека созвучна теории И. М. Фейгенберга о Человеке Достроенном (*Homo sapiens perimplens*) [8]. С точки зрения И. М. Фейгенберга культурное и техническое развитие *Homo sapiens* следует рассматривать как продолжение биологического развития человека; однако, следует учитывать, что это

развитие происходит принципиально новыми способами с увеличивающейся скоростью. Человек разумный сам себя усовершенствует: достраивает, дополняет, расширяет. Разумный человек самостоятельно создает средства реализации своих жизненных задач, а также сохранения и улучшения своей собственной разумной природы. Человек увеличивает свои моторные способности, усовершенствует и достраивает ключевые системы своей жизнедеятельности: системы терморегуляции, памяти и прогнозирования, репродукции, сенсорную систему, пищеварения и др. [6]. «Если в процессе биологической эволюции в течение очень длительного времени формировались конечности, способные все лучше выполнять сложные движения, – пишет И. М. Фейгенберг, – то уже Человек Разумный продолжил этот процесс несравнимо более быстрым темпом, достраивая свою руку. По существу, история техники – это в значительной степени достройка руки. Огнестрельное оружие, строительные машины, ракеты... Достроенная рука человека позволяет ему сейчас в буквальном смысле слова горы с места сдвинуть, достать и принести на Землю образцы с поверхности Луны» [8, с. 152].

Материальная агентность. Это понятие призвано объяснить как в ходе взаимодействия разума и материальных вещей, последние обретают каузальную действенность, способность определять человеческую активность.

Критика картезианства и традиционного когнитивизма приводит Малафуриса к необходимости переосмыслить привычные метафизические противопоставления внешнего мира и внутреннего, сознания и материи, субъекта и объекта, объясняемого и объясняющего, и др. Малафурис апроприирует словарь акторно-сетевой теории, в которой это переосмысление уже было проведено, и пытается адаптировать спорные понятие «агентности» и «агента» для решения своих задач. И в первую очередь, задачи объяснения того, как возникли и развивались когнитивные функции человека.

Хотя в философии агентность традиционно понималась как способность действовать намеренно, а осуществление агентности заключалось в совершении намеренных действий [48] акторно-сетевая трактовка агентности исключает намеренность. Понятие агентности в акторно-сетевой теории используется для характеристики ситуативной способности участников взаимодействия (актеров) оказывать причинное воздействие, производить эффект [2]. В отличие от субъекта, под которым в философии принято понимать человека, наделенного от природы активностью, понятие агентности в акторно-сетевой теории может характеризовать человеческих и нечеловеческих акторов (имеются в виду роботы, животные, артефакты разного рода, природные силы и т.д.) вне зависимости от степени сознательности последних.

Например, метеороид, падение которого ощутили на себе жители Челябинска 15 февраля 2013 года, может рассматриваться как агент. Потому что он, двигаясь со скоростью около 30 км/с, обладал ситуативной способностью оказывать воздействие на людей и природу (агентностью): он стал причиной ударной волны, которая привела к повреждению многих сотен окон и крыш в городе. Вслед за ударной волной сейсмологами было зафиксировано землетрясение магнитудой 4 балла, а местные власти, в конце концов, были вынуждены закрыть занятия в школа Челябинска на 2 дня и ввести режим чрезвычайной ситуации [5].

Следуя своему требованию рассматривать вещи всерьез, Малафурис делает акцент на причинном воздействии форм и практик материальной культуры на разум человека, делает акцент на материальности самой агентности [22]. Он критикует человеко-

центричную трактовку агентности, когда первую скрипку в ходе взаимодействия с материальными вещами принято отводить человеку, потому что он изначальный носитель сознания и действия, у него есть намерения и замысел. Трактовка изначальной агентности человека не объясняет как в ходе взаимодействия с материальными вещами возникает разум человека. Малафурис опускает этап планирования и замысла артефакта, он рассматривает только этап непосредственного ситуативного взаимодействия с материалом, когда в динамическом акте разум и материал взаимно обуславливают друг друга.

Таким образом Малафурис приходит к реляционной трактовке агентности: агенты возникают непосредственно в ходе взаимодействия, первичен процесс, а не участники процесса. Материальная агентность – это *эффект взаимодействия* человека с материальной культурой [28],[25].

Парадигмальным примером материальной агентности у Малафуриса становится работа гончара на гончарном круге (см. [28] гл. 9). В этом взаимодействии человек обретает слабо эксплицируемое знание работы с глиной. Малафурис считает глину одним из самых ранних примеров нейросовместимых материалов. Под нейросовместимыми здесь подразумеваются материалы, которые позволяют проецировать на себя значения и смысл, таким образом соединяя нейронную и культурную пластичность. Человек придает качество и форму глине, однако толщина стенок горшка, степень нажима, характер движения рук, определяются самим материалом. В ходе взаимодействия человек влияет на артефакт, а артефакт каузально действует на человека [26],[28].

Реляционная трактовка агентности, предложенная Малафурисом с коллегами, вызвала критику исследователей, разделяющих позиции расширенного разума. Они считают, что реляционная трактовка упускает существенные свойства агентности. Например, сторонники когнитивно-семиотического толкования агентности Хуан Мендоза-Коллазос и Йордан Златев, считают, что в ходе взаимодействия с материальными телами происходит не возникновение, а усиление уже существовавшей агентности [35]; а также в ходе взаимодействия возникает смысл. Малафурис упускает из виду фундаментально асимметричные отношения между субъектом/агентом и средой, а также базовую идентичность агента [11]. Следовательно, агентность артефактов следует рассматривать как производную [36]; подобно невербальным знакам и языкам, чтобы сохранять агентность, артефакты должны быть используемыми, должны интерпретироваться или адаптироваться человеческими существами в человеческих культурах [37].

Материал-энактивирующая сигнификация. Критикуя когнитивистскую теорию репрезентации, Малафурис предлагает теорию «материальных» или энактивных знаков. Энактивный знак определяется Малафурисом в духе прагматизма как вещь, предписывающая и разрешающая какое-то действие. Такие знаки возникают не как внутренние репрезентации явлений внешнего мира, а как метки – появившиеся и оставленные в ходе сенсомоторного взаимодействия с материалами и/или на материальных поверхностях [28], – которые в последствии *могут быть* наделены значением. Означающее и означаемое появляются одновременно, в момент обнаружения их связи. Значение – это не продукт репрезентации, а продукт процесса интеграции между материальной и концептуальной областями [28, с. 90].

В расширенной трактовке разума, которую защищает Малафурис, размываются границы между внешним миром и внутренним, между материальным и когнитивным. Воплощенный

разум захвачен окружающим миром, а материальная среда становится частью психической сферы человека. В ходе культурно-исторического развития разума, благодаря способности к сигнификации, человека сам изменяет свою природу, и эта идея созвучна идеям Л. С. Выготского [\[1, с 9-10\],\[7\],\[49\]](#). Понятию репрезентации Малафурис противопоставляет понятие когнитивной проекции. Когнитивная проекция – пишет Малафурис, – «всеобъемлющая и (в большинстве случаев) бессознательная способность когнитивного агента устанавливать прямые неявные онтологические соответствия между областями опыта. (...) Проекция между феноменальной областью А и феноменальной областью В (ментальной или физической) не является репрезентацией области А через В; это установление онтологического соответствия между А и В. Более конкретно, эти онтологические соответствия в первую очередь включают связи тождества, аналогии, сходства, причинности, изменения, времени, интенциональности, пространства, роли, части и целого...». [\[28, с. 100\]](#).

Понятие когнитивной проекции опирается на концепцию конститутивных символов К. Ренфрю, которые предшествуют возникновению понятий и возникают в ходе установления соответствий разных элементов опыта. Ренфрю определяет конститутивный символ как знак, где символический или познавательный элемент и материальный элемент сосуществуют в некотором смысле имманентно и где один не имеет смысла без другого [\[45\]](#). Малафурис заимствует из книги Ренфрю пример с весом и его измерением. Он считает этот пример хорошей иллюстрацией тесной структурной связи между предположительно внутренней и внешней областями концептуальной карты человека. «Если вес имеет какое-то значение, – пишет Малафурис, – то это значение может быть постигнуто прежде всего разумным телом, а не воплощенным мозгом. Говорить о весе в бестелесном смысле — значит говорить о числовых отношениях, а не о весе как осмысленном опыте. Эти отношения, однако, возможны только после того, как вес возник как символ в контексте практики, то есть как воплощенный осмысленный опыт. Вот почему в данном случае, как предлагает Ренфрю, символ предшествует понятию» [\[28, с. 99\]](#).

Продолжая линию рассуждений своего учителя, Малафурис приводит пример возникновения смысла количества в ходе концептуальной проекции психического опыта на материальные объекты. Дети уже на довербальной стадии развития при манипулировании комочками глины способны воспринимать количество. Ребенок способен – не обращаясь к счёту – непосредственно воспринять количество, воспринять глазами и руками, что два комочка глины меньше, чем три комочка глины [\[21\]](#). Таким образом в ходе смешения двух областей опыта происходит становление материального знака. Комочки глины не репрезентируют количество, но имманентно содержат или несут его на себе. Аналогично понятие количества развивается постепенно в ходе появления новых способов взаимодействия человека с вещами. Мышление (*thinking*), с этой точки зрения, напрямую связано с действием – это процесс творения вещей и взаимодействия с вещами, процесс *овещнения* действий (*thinging*) в ходе взаимодействия с материей [\[27\],\[33\]](#).

Заключение. Цель Малафуриса – создать новый концептуальный аппарат, который позволил бы представить теорию вовлеченности разума в материальный мир как исследовательскую программу, которая связывает вместе археологию, антропологию, философию и когнитивные науки, чтобы ответить на вопрос как, в ходе взаимной энактизации воплощенного разума и материально-технической среды, возникают и развиваются когнитивные функции человека. Вместо исчерпавшей свой потенциал

познавательной метафоры разума как компьютера, который в ходе вычислений накапливает внутри себя репрезентации внешнего мира, теория материальной вовлеченности предлагает метафору симбиотической когнитивно-материальной коэволюции. Предлагается рассматривать разум как воплощенный, как расширенный в материальный мир; когнитивно-психологические и материальные артефакты как нечто производное от первичного процесса когнитивно-материального взаимодействия.

Нельзя сказать, что в настоящий момент теория разума, вовлеченного в материальный мир, является глубоко проработанной и непротиворечивой. Сейчас она похожа скорее на концептуальный эскиз, состоящий из смелых предположений и ярких образов. Понятия материальной агентности и материального знака звучат как оксюморон и справедливо критикуются коллегами. Однако стремление Малафуриса к операционализации абстрактных понятий и конвергенции с теориями, разрабатываемыми в рамках исследовательской программы воплощенного познания, а также сама идея взаимозависимости изменения когнитивных функций с изменениями форм материальной культуры, образующая концептуальное ядро теории, имеют эвристический потенциал. Со временем на базе этого концептуального ядра могут быть сформулированы такие теоретические положения, которые, возможно, смогут быть подкреплены эмпирическими исследованиями, а значит есть вероятность того, что эта теория сможет стать точкой роста когнитивных и философских исследований.

Библиография

1. Асмолов А. Г., Емелин Г. Д., Власова М. А., Фаликман М. В. Психология и нейроархеология: пространство диалога // Вопросы психологии. 2022. Т. 68. № 1. С. 1–13.
2. Вахштайн, В. С. Возвращение материального. «Пространства», «Сети», «Потоки» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2005. № 1. С. 94–115.
3. Воробьев, Д. Н. Философия символических формаций Эрнста Кассирера и энактивизм: концептуальные параллели в понимании взаимоотношений человека и природы // Духовные основы отношений человек – природа: Материалы Всероссийской (Национальной) с международным участием научно-практической конференции, Чебоксары, 19–20 января 2022 года / Чувашский государственный аграрный университет. Чебоксары: Чувашский государственный аграрный университет, 2022. С. 12–15.
4. Князева, Е. Н. Энактивизм: новая форма конструктивизма в эпистемологии. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Университетская книга, 2014. 352 с.
5. Пинкус, М. На Урале снят режим ЧС, введенный после падения метеорита // Российская газета. 5 марта 2013. Дата обращения: 9 августа 2022. <https://rg.ru/2013/03/05/reg-urfo/snialichs-anons.html>
6. Тихонов, А. С. Принцип взаимозависимости биологического и культурного в реляционно-холистических концепциях природы человека / А. С. Тихонов, В. Р. Петров, Н. А. Сергеева // Духовные основы отношений человек – природа: Материалы Всероссийской (Национальной) с международным участием научно-практической конференции, Чебоксары, 19–20 января 2022 года / Чувашский государственный аграрный университет. Чебоксары: Чувашский государственный аграрный университет, 2022. С. 66–70.
7. Фаликман, М. В. Новая волна Выготского в когнитивной науке: разум как незавершенный проект // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 54. <https://doi.org/10.54359/ps.v10i54.361>

8. Фейгенберг, И. М. Человек Достроенный и биосфера // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 150–161.
9. Abraham, W. C. Metaplasticity: tuning synapses and networks for plasticity // *Nature Reviews Neuroscience*. 2008. Vol. 9. No. 5. P. 387–397.
10. Adams F., Aizawa K. The bounds of cognition // *Philosophical Psychology*. 2001. Vol. 14. No.1. P. 43–64.
11. Barandiaran X., Di Paolo E., Rohde M. Defining agency: Individuality, normativity, asymmetry, and spatio-temporality in action // *Adaptive Behavior*. 2009. Vol. 17. No. 5. P. 367–386.
12. Chemero, A. *Radical embodied cognitive science*. Cambridge: MIT Press, 2009. 252 pp.
13. Clark A., Chalmers D. The extended mind // *Analysis*. 1998. Vol. 58. No. 1. P. 7–19.
14. Clark, A. *Supersizing the mind: Embodiment, action, and cognitive extension*. New York: Oxford University Press, 2008. 318 pp.
15. Haugeland, J. The nature and plausibility of cognitivism // *Behavioral and Brain Sciences*. 1978. No.1. P. 215–226.
16. Hutchins, E. *Cognition in the wild*. Cambridge: MIT Press, 1995. 402 pp.
17. Hutchins, E. Enculturating the supersized mind // *Philosophical Studies*. 2011. No. 152. P. 437–446.
18. Hutto D., Myin E. *Radicalizing enactivism: Basic minds without content*. Cambridge: MIT Press, 2013. 206 pp.
19. Ihde D., Malafouris L. Homo faber Revisited: Postphenomenology and Material Engagement Theory // *Philosophy & Technology*. 2019. Vol. 32. P. 195–214.
20. Ihde, D. *Postphenomenology and Technoscience. The Peking University Lectures*. Albany: State University of New York Press, 2009. 102 pp.
21. Kaufman E. L., Lord M. W., Reese T. W., Volkman J. The discrimination of visual number // *American Journal of Psychology*. 1949. Vol. 62. No. 4. P. 498–525.
22. Knappett C., Malafouris L. *Material and Nonhuman Agency: An Introduction* // *Material Agency. Towards a Non-Anthropocentric Approach* / C. Knappett, L. Malafouris (ed). Springer, 2008. P. IX–XIX.
23. Latour, B. *Reassembling the Social – An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford University Press, 2005. 300 pp.
24. Malafouris, L. "Neuroarchaeology": exploring the links between neural and cultural plasticity // *Progress in Brain Research*. 2009. No.178. P. 253–261.
25. Malafouris, L. At the Potter's Wheel: An Argument for Material Agency // *Material Agency. Towards a Non-Anthropocentric Approach* / Edited by C. Knappett and L. Malafouris. Springer, 2008. P. 19–36.
26. Malafouris, L. Beads for a plastic mind: the 'Blind Man's Stick'(BMS) hypothesis and the active nature of material culture // *Cambridge Archaeological Journal*. 2008. Vol. 18. No 3. P. 401–414.
27. Malafouris, L. Creative thinging: The feeling of and for clay // *Pragmatics & Cognition*. 2014. Vol. 22. No.1. P.140–158.
28. Malafouris, L. *How things shape the mind*. Cambridge, MA: MIT press, 2013. 320 pp.
29. Malafouris, L. Making hands and tools: Steps to a process archaeology of mind // *World Archaeology*. 2021. Vol. 53. No. 1. P. 38–55.
30. Malafouris, L. Metaplasticity and the human becoming: principles of neuroarchaeology // *Journal Anthropological Sciences*. 2010. Vol. 88. No 4. P. 49–72.

31. Malafouris, L. Metaplasticity and the primacy of material engagement // *Time and Mind*. 2015. Vol. 8. No. 4. P. 351–371.
32. Malafouris, L. Mind and material engagement // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2019. Vol. 18. No. 1. P. 1–17.
33. Malafouris, L. Thinking as “thinging”: Psychology with things // *Current Directions in Psychological Science*. 2020. Vol. 29. No.1. P. 3–8.
34. Malafouris, L. Where do you end, and the outside world begin? // *New Scientist*. 2013. Vol. 219. No. 2933. P. 28–29.
35. Mendoza-Collazos J., Zlatev, J. A Cognitive-Semiotic Approach to Agency: Assessing Ideas from Cognitive Science and Neuroscience // *Biosemiotics*. 2022. Vol. 15. P. 141–170.
36. Mendoza-Collazos, J. C. Design semiotics with an agentive approach: An alternative to current semiotic analysis of artifacts // *Meaning, mind and communication – Explorations in cognitive semiotics* / Edited by J. Zlatev, G. Sonesson, P. Konderak. Frankfurt am Main; New York: Peter Lang, 2016. P. 83–99.
37. Mendoza-Collazos, J. C. On the importance of things: a relational approach to agency // *Cognitive Semiotics*. 2020. Vol. 13. No. 2. P. 2020–2034.
38. Noë, A. *Out of Our Heads: Why You Are Not Your Brain, and Other Lessons from the Biology of Consciousness*. Hill & Wang, 2009. 230 pp.
39. Parisi, F. Temporality and metaplasticity. Facing extension and incorporation through material engagement theory // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2019. Vol. 18. P. 205–221.
40. Pickering, A. *The Mangle of Practice: Time, Agency, and Science*. Chicago: University of Chicago Press, 1995. 296 pp.
41. Renfrew C., Frith C., Malafouris L. Introduction. The sapient mind: archaeology meets neuroscience // *Philosophical transactions of the Royal Society, B: Biological sciences*. 2008. Vol. 363 No. 1499. P. 1935–1938.
42. Renfrew C., Malafouris L. The Cognitive life of things: archaeology, material engagement and the extended mind // *The Cognitive life of things. Recasting the boundaries of the mind* / Edited by L. Malafouris, C. Renfrew. Cambridge: McDonald Institute for Archeological Research, 2010. P. 1–12.
43. Renfrew, C. *Archaeology and language: the puzzle of Indo-European origins*. London: Pimlico, 1987. 368 pp.
44. Renfrew, C. Mind and matter: cognitive archaeology and external symbolic storage // *Cognition and material culture: the archaeology of symbolic storage* / Edited by C. Renfrew, Ch. Scarre. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 1998. P. 1–7.
45. Renfrew, C. Symbol before concept: material engagement and the early development of society // *Archaeological theory today* / Edited by I. Hodder. Cambridge: Polity Press, 2001. P. 122–140.
46. Renfrew, C. Towards a cognitive archaeology // *The ancient mind. Elements of cognitive archaeology* / Edited by C. Renfrew, E. B. W. Zubrow. Cambridge University Press, 1994. P. 4–12.
47. Renfrew, C. Towards a theory of material engagement // *Rethinking materiality: the engagement of mind with the material world* / Edited by E. DeMarrais, C. Gosden, C. Renfrew. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2004. P. 23–32.
48. Schlosser, M. Agency // *The Stanford encyclopedia of philosophy* / Edited by E. Zalta. <https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/agency>. (Дата обращения 9

августа 2022).

49. Theiner G., Drain C. What's the Matter with cognition? A 'Vygotskian' perspective on material engagement theory // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2017. No. 16. P. 837–862.
50. Tomasello, M. The cultural origins of human cognition. Cambridge: Harvard University Press, 1999. 248 pp.
51. Varela F. J., Thompson E., Rosch E. The embodied mind: Cognitive science and human experience. Cambridge: MIT Press, 1991. 388 pp.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования представленной статьи – концепция материальной вовлеченности Л. Малафуриса, её преемственность идеям Колина Ренфрю, когнитивной археологии, теории развития разума.

Методология исследования состоит в репрезентации ключевых идей Ламброса Малафуриса, их аналитическом разборе и сравнительным анализом различных подходов в изучении интеллектуальных способностей человека.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки новой парадигмы в интерпретации познавательного процесса человека, переосмысления антропоориентированного подхода, уходящего корнями в Новое время и признание того факта, что познание мира осуществится человеком не только интеллектуально, но и телесно. Автор предлагает, опираясь на опыт Малафуриса, по-новому осмыслить процесс человеческого сознания за счет включения в поле научно-философской рефлексии реальных условий жизнедеятельности человека. Сама репрезентация идей Л. Малафуриса, недостаточно известных, в русскоязычном научном дискурсе (о чем свидетельствует отсутствие переводов его работ и обращение автора к англоязычным источникам) обладает значительным эвристическим потенциалом.

Научная новизна представленной статьи связана с подробным анализом центральной идеи Малафуриса о том, что понимание процесса познания требует учета не только мыслительных способностей человека, но и связи человека с внешним миром, в котором результаты его деятельности и природные объекты выступают элементами (агентами) его мыслительной деятельности. Мысль о том, что материальные вещи не являются пассивным материалом, который использует человек в своей деятельности, а обладают некоторой «агентностью», т.е. способностью оказывать влияние на окружающий мир и человека, достаточно нова для отечественной когнитивистики.

Структура и содержание работы. Представленная статья имеет четкую авторскую структуру, облегчающую понимание основных идей, акцентирующую ключевые позиции программы «воплощенного познания» Малафуриса.

Во введении автор знакомит читателя с основной проблематикой научного творчества ученика известного английского археолога Колина Ренфрю – Ламброса Малафуриса, которое относится ко второй волне когнитивно-процессуальной археологии. Автор уточняет, что когнитивно-процессуальная археология была призвана объяснить использование археологического исследования для изучения развития когнитивных процессов. В первой части – «Критика когнитивизма и теории репрезентации», автор статьи показывает ограниченность классического подхода в объяснении познания человека по аналогии со счетной машинкой, запертой в головном мозге человека. И

предлагает более глубокое понимание познания, разрабатываемое Малафурисом в оппозицию к ограниченному когнитивизму. Автор предлагает обзор идеи Малафуриса о познании как процессе производства смыслов в результате динамического взаимодействия воплощенного мозга и форм материально-технической культуры.

В следующей части – «Основные постулаты теории материальной вовлеченности» автор рассматривает три ключевые постулата Малафуриса: метапластичность, материальную агентность и материал-энактивирующую сигнификацию. Тезис о метапластичности заключается в утверждении тесной переплетенности человеческого сознания с материальной культурой. Автор рассматривает утверждение о том, что сознание влияет на окружающий мир, выступает источником формирования культуры, но и само меняется под воздействием культуры. Находит его истоки в теории генно-культурной коэволюции человека И. М. Фейгенберга. Что собственно является развитием мысли Маркса о том, что создавая предметный мир культуры, человек создает себя как общественное существо, совершенствует свои силы и способности, расширяет рамки своего общения, формирует новые потребности и средства их удовлетворения.

Материальная агентность понимается как взаимодействие разума и материальных вещей, в которой последние обретают каузальную действенность, способность определять человеческую активность.

Материал-энактивирующая сигнификация определяется Малафурисом в духе прагматизма, и энактивный знак трактуется как вещь, предписывающая и разрешающая какое-то действие. Такие знаки возникают как метки – появившиеся и оставленные в ходе сенсомоторного взаимодействия с материалами и/или на материальных поверхностях.

Таким образом, по мнению Ламброса Малафуриса разум человека захвачен окружающим миром, а материальная среда становится частью психической сферы человека. В ходе культурно-исторического развития разума, благодаря способности к сигнификации, человека сам изменяет свою природу.

Стиль статьи заслуживает особого внимания, поскольку является удачным примером сочетания научной теоретичности и доступности. Тема статьи достаточно сложна сама по себе, учитывая же специфику идей программы «воплощенного познания» Малафуриса, текст статьи мог стать достоянием небольшой группы специалистов. Однако благодаря ясности изложения, автор статьи добился понятности достаточно сложных философских идей. Это стало возможным благодаря корректному использованию научной лексики с непременно пояснением всех ключевых понятий, иллюстрации основных теоретических положений примерами и аналогиями.

Библиография статьи обширна и включает в себя как работы самого Малафуриса, так и аналитику его работ, а также работы, посвященные изучению проблем когнитивной археологии и теории развития разума. Всего в статье присутствует 51 библиографическая позиция.

Апелляция к оппонентам активно используется автором и включает исследователей, работающих в области когнитивной философии и психологии.

Выводы, интерес читательской аудитории. Представленные в статье выводы вполне соответствуют заявленной проблеме. Статья будет интересна широкому кругу читателей интересующихся философией и психологией познавательной деятельности.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Яшин Б.Л. — Неклассические логики в современной науке // Философская мысль. – 2023. – № 1. – С. 15 - 25.
DOI: 10.25136/2409-8728.2023.1.39350 EDN: BIGNVX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39350

Неклассические логики в современной науке

Яшин Борис Леонидович

доктор философских наук

профессор, кафедра философии, Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет

117571, Россия, г. Москва, ул. Проспект Вернадского, дом 88, к.1

✉ jabor123@rambler.ru

[Статья из рубрики "Философия науки"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.1.39350

EDN:

BIGNVX

Дата направления статьи в редакцию:

08-12-2022

Аннотация: Неклассические логики существенным образом расширили традиционную область использования логических методов. Первой из них стала трехзначная логика Я. Лукасевича. Следом появились трехзначная логика А. Бочвара, «квантовые логики» Г. Рейхенбаха и П. Детуш-Феврие, бесконечнозначные, вероятностные и другие логики. Возможности неклассических логик стали широко использоваться в различных отраслях научного знания. Многозначная, нечёткая, интуиционистская, модальная, релевантная и паранепротиворечивая, временная и другие неклассические логики находят сегодня широкое применение в физике, вычислительной математике, информатике, лингвистике, юриспруденции, этике и других областях естественнонаучного и социогуманитарного знания. Возросший в последнее время интерес к неклассическим логикам объясняется, прежде всего, тем, что на смену ранее обсуждавшимся в научном сообществе различным философским, синтаксическим, семантическим и металогическим проблемам на первый план выходят практические интересы. Главным источником такого интереса служит широкое их применение в компьютерных науках, искусственном интеллекте и программировании. Логика причинности используется в обсуждениях трактовки понятий «закон природы», «онтологическая необходимость» и «детерминизм»; темпоральные модальные логики - для моделирования, спецификации и верификации программных систем логического управления; логики с векторной семантикой, совмещающие в себе особенности нечётких и паранепротиворечивых логик - в решении задач динамической

верификации продукционных баз знаний и экспертных систем.

Ключевые слова:

многозначная логика, наука, неклассическая логика, нечеткая логика, параконсистентная логика, практика, релевантная логика, трехзначная логика, логика дополненности, вероятностная логика

Среди многих причин, по которым один из крупнейших современных философов Г.Х. фон Вригт назвал XX в. «Золотым веком Логики»^[1], является, по мнению А. Г. Кислова, «деуниверсализация классической логики и появление множества неклассических логических систем»^[2]. И с этим вполне можно согласиться, так как неклассические логики, ставшие в своей совокупности альтернативой классической логике, которая вполне справедливо до сих пор считается образцом рассуждений не только в математике и других науках, но и в обыденной практике, существенным образом расширили традиционную область использования логических методов. В настоящее время логик такого рода «не просто бесконечно много, их континуально много»^[3]. Кстати говоря, среди логиков и философов, занимающихся философскими проблемами логики, до сих пор окончательно не урегулирован вопрос о том, что считать неклассической логикой. Поэтому, не удивительно, что в последнее время для их обозначения стал употребляться более нейтральный термин, а именно «нестандартные логики»^[4].

Хорошо известно, что первой многозначной (и в этом смысле – неклассической) логикой, была разработанная Я. Лукасевичем трехзначная логика, вслед за которой появились трехзначная логика А. Бочвара, «квантовые логики» Г. Рейхенбаха и П. Детуш-Феврие, n -значная логика Э. Поста, бесконечнозначные, вероятностные и другие системы логики. Если первые неклассические логики в большинстве своем создавались на базе критики классической логики как оппозиционные ей системы, в которых подвергалась сомнению неограниченная применимость таких её законов, как исключенного третьего и двойного отрицания, то в дальнейшем их возможности стали широко использоваться в различных отраслях научного знания. Многозначная и нечёткая, интуиционистская и модальная, релевантная и паранепротиворечивая, временная и другие разновидности неклассической логики находят сегодня широкое применение в физике, вычислительной математике, информатике, лингвистике, юриспруденции, этике и других областях естественнонаучного и социогуманитарного знания^[5].

Одной из первых наук (не считая собственно логику), где успешно стала использоваться такая разновидность неклассической логики как многозначная логика оказалась физика. Именно здесь для решения проблем описания состояния неопределенности в физике микромира Г. Биркгофом и Дж. Фон Нейманом была создана трехзначная «квантовая логика»^[6]. В связи с тем, что в ней не соблюдался такой закон классической логики, как закон дистрибутивности, с помощью её аппарата оказалось возможным описать ситуацию неопределенности дифракции электрона, проходящего через две щели экрана, в эксперименте Т. Юнга^[7]. Несколько позже появились и другие логические системы многозначной логики, основной целью которых было минимизировать языковые проблемы, возникающие в процессе изучения и описания явлений микромира. И хотя каждая из них имела свои особенности, свои способы обоснования и свои плюсы и минусы, все они стали называться «квантовыми логиками» или «логиками микромира».

Наиболее удачной из всех таких логик оказалась трехзначная логика Г. Рейхенбаха [\[8\]](#), с помощью аппарата которой стало возможным справиться с проблемами, возникающими при описании проявляющих себя в физике квантовых явлений состояний неопределенности её «причинных аномалий».

Важной особенностью логики Г. Рейхенбаха стало введение им таких новых понятий для уже существовавших неклассических логических систем (системы Я. Лукасевича, Э. Поста, А. Тарского) как «полное отрицание», «квазиимпликация», «альтернативная импликация» и «альтернативная эквиваленция». К характерным чертам этой логики относят и то, что обязательным условием выполнения в ней закона непротиворечия являлось использование операции только полного отрицания, а также то, что в ней не действует закон исключенного третьего, в силу чего с помощью её средств оказывалось возможным описание состояния неопределенности, которому, собственно, и соответствовало третье значение логики Г. Рейхенбаха – «неопределенно».

Говоря о возможностях использования в физике логики Г. Рейхенбаха, следует отметить ещё одно важное обстоятельство, которое было связано с введением им в её аппарат принципа дополнительности для высказываний. Суть этого принципа, отчасти соответствовавшего принципу дополнительности Н. Бора, сводилась к тому, что если для двух высказываний выполнялись условия, когда из истинности (ложности) любого из них следовала неопределенность истинности второго, то каждое из них было необходимо считать дополнительным по отношению к другому. Для таких высказываний в логике Г. Рейхенбаха условие дополнительности было симметричным: если первое из них дополняло второе, то и второе дополняло первое. С его точки зрения, это отношение можно было распространить на любое число высказываний, в случаях, когда истинность или ложность одного из них влечёт неопределенность всех остальных [\[9, сс.206 - 207\]](#).

Возможность связывать высказывания о ненаблюдаемых объектах с высказываниями о наблюдаемых, ставшая преимуществом логической интерпретации квантовой механики Г. Рейхенбаха перед интерпретацией Н. Бора и В. Гейзенберга, послужила основанием для её автора не только рассматривать её «в качестве ещё одной интерпретации квантовой механики», но и утверждать, что, она представляет собой «окончательную форму квантовой физики» [\[11, 144 с.\]](#).

Надо отметить, что к последнему утверждению Г. Рейхенбаха некоторые из современных ему физиков отнеслись довольно скептически. В частности, Н. Бор полагал, что «попытки прибегнуть к трёхвалентной логике, предлагаемые иногда в качестве способа рассмотрения парадоксальных черт квантовой механики представляются не слишком пригодными для ясного освещения ситуации, поскольку все экспериментальные данные, даже если их невозможно анализировать с точки зрения классической физики, всегда должны быть выражены на привычном языке, используя обычную логику» [\[12, сс. 397 - 398\]](#).

Идея использования трехзначной логики не только в физике, но и в других науках и технике высказывалась некоторыми зарубежными и отечественными учеными уже во второй половине прошлого столетия. Так, например, Н. П. Брусенцов, разработчик и один из создателей первой в нашей стране цифровой машины ЭВМ «Сетунь», работавшей на основе этой логики, писал о её преимуществах следующее: «В симметричном троичном коде коренным образом упрощается логика и сокращается число необходимых вариантов арифметических операций, открывается возможность оперирования со словами разной длины, существенно упрощается структура операционных устройств,

получается значительная экономия времени, затрачиваемого на выполнение операций, а в ряде случаев также оборудования» [13]. И хотя в этой первой ЭВМ были «реализованы далеко не все полезные свойства троичного кода и трехзначной логики», она «наглядно продемонстрировала» его выгодность [13], а в дальнейшем «оказалась необыкновенно благоприятной для создания автоматизированных систем различного назначения» [14]. Тем не менее, несмотря на существенные преимущества этой логики и на стремительное развитие вычислительной техники и появление ЭВМ, трехзначная логика в указанный период не нашла здесь широкой поддержки. Она стала искать приложения в других областях. Одним из таких приложений трехзначной, «квантовой логики» уже в настоящее время стал «диалог двух исследователей, придерживающихся по обсуждаемому вопросу противоположных точек зрения, но пользующихся общим языком диалога» [15, с. 276]. А такая особенность квантовой логики как присутствие в ней логической операции «квадратный корень из отрицания» не только «позволяет возникновение недетерминированности из строго определенного набора начальных условий, что имеет отношение ... к основному вопросу философии», но и вполне возможно «способна оказать существенное влияние на развитие теории диалектических рассуждений» [16].

В XXI веке очевидные преимущества трёхзначной логики над двухзначной в реальных вычислениях (сравнение двух чисел в трёхзначной логике выполняется за один шаг, а в двухзначной – за два) оказались востребованы. А исследования и разработка различных алгоритмов на основе трехзначных, четырехзначных и других многозначных логик, существующих сегодня, стали актуальными в таких областях как медицина и бионика, телекоммуникация, искусственный интеллект и моделирование нейронных сетей, вычислительная техника и проектирование автоматов, в решении задач верификации продукционных баз знаний и т. д.

Расширение области применения многозначных логик во многом связано с тем, что они позволяют использовать лингвистические, т. е. качественные переменные взамен количественных. Это дает возможность соединить количественные и качественные показатели в одной модели и тем самым в существенной мере упростить сложные вероятностные схемы оценки надёжности. Что, в свою очередь, открывает пути для максимально полного исследования модели, которое оказывается особенно эффективным «в ситуациях, когда нет возможности количественно оценить влияние того или иного фактора на процесс; использование качественных переменных дает дополнительные возможности в оценке исследуемых факторов» [17, сс. 72–73].

Надо сказать, что во всей совокупности многозначных логик особое место принадлежит бесконечнозначным логикам. Их характерной особенностью является то, что число значений истинности высказываний, которые они способны принимать, бесконечно. Эти значения могут задаваться различными способами. Например, числовым отрезком [1, 0], где крайние значения соответствуют значению «истинно» и «ложно», а промежуточные – той или иной из рациональных дробей из некоторого их ряда, построенного в соответствии с каким-либо законом. Так, в одной из таких логик, разработанных А. Д. Гетмановой, этот ряд представляет собой сумму двух числовых рядов $(1/2)^k$ и $(1/2)^k \times (2k - 1)$, т.е. ряд чисел: 1, 1/2, 1/4, 3/4, 1/8, 7/8, 1/16 ..., 0 [18, с. 266].

К бесконечнозначным логикам нередко относят и вероятностные или, как их еще иногда называют, индуктивные логики, характеризующиеся тем, что посылки и заключения этих логик представляют собой гипотетические, т.е. вероятностные высказывания, играющие

важную роль в науке. Теоретический фундамент вероятностной логики был заложен Г. В. Лейбницем, а в дальнейшем её разработку продолжили Дж. Буль, У. Джевонс, Дж. Венн, Г. Рейхенбах, Р. Мизес, Р. Карнап, А. Н. Колмогоров и другие ученые.

Все системы вероятностной логики, характеризующиеся тем, что каждое из высказываний в них может иметь то или иное действительное значение от **1** (истина) до **0** (ложь), имеют своим фундаментом теорию математической вероятности, которая позволяет дать объективную оценку возможности возникновения какого-либо конкретного события в тех или иных многократно повторяющихся условиях. Довольно часто эта оценка рассчитывается по формуле $P(A) = r/s$, где $P(A)$ - событие A , r - число благоприятных вариантов для A , а s - общее число всех равновозможных вариантов. При бросании двух игральных костей, например, имеется 36 всех возможных вариантов. Учитывая, что число вариантов, выпадения, например, числа 6 равно 5 (1 и 5, 2 и 4, 3 и 3, 4 и 2, 5 и 1), получаем, что в этом случае $P(A) = 5/36$.

Кроме собственно логики аппарат вероятностных логик находит свое применение в теории игр и теории аргументации, в статистике и психологии, в биоинформатике, в распознавании образов и в искусственном интеллекте, а кроме того – в изучении массовых случайных явлений, происходящих в природе и социуме. Отмечая широкий спектр областей науки и практики в которых успешно используется аппарат вероятностных логик, необходимо сказать и о возникающих при этом определенных трудностях. Большинство из них связаны с тем, что эти логики не только «имеют тенденцию к умножению вычислительных сложностей своих вероятностных и логических компонентов», но и с тем, что они иногда могут приводить к противоречивым результатам [19].

Среди логических теорий с очевидным прикладным эффектом наибольший интерес в настоящее время вызывает «идейно близкая» многозначной логике «нечеткая логика» («fuzzy logic»), которая позволила осуществить «перенос операций с вероятностными законами квантового мира в мир логических рассуждений» [16]. Эта логика, позволяющая давать приблизительные истинностные оценки, основана на теории нечетких множеств, берущей свое начало со статьи Л. Заде 1965 года [20]. Нечеткозначная, как её еще называют, логика является основой рассуждений, в которых используются неопределимые точно или количественно понятия. Она предназначена, в первую очередь, для анализа систем, в которых имеют место человеческие рассуждения и «размытые» понятия. Если эта логика в настоящее время активно используется как основа автоматизации сложных технологических процессов, то так называемая «динамическая логика», выросшая «из историко-философского интереса к логике времени», используется «сегодня для обеспечения процедур синтеза и верификации программ». А такие неклассические логики как логика норм или деонтическая логика, логика оценок или аксиологическая логика, логика вопросов, которую также называют эротетической, логика знаний или эпистемическая логика, логика мнений или доксатическая логика успешно применяются в логических исследованиях естественного языка и гуманитарного знания [3].

В частности, названная выше деонтическая логика успешно используется в моделировании процессов принятия решения субъектом в той или иной ситуации, опираясь на его базовые ценностные установки, которые используются как аксиомы, добавляемые к принятой им модели мира. Понимание логических характеристик норм оказывается необходимым при решении вопросов «о месте и роли норм в научном и ином знании, о взаимных связях норм и оценок, норм и описательных высказываний и т.

д.» [\[21\]](#).

Не менее широкий спектр применения в современном научном познании имеют также и логики, которые называют паранепротиворечивыми. Они активно используются не только в естественных, социогуманитарных и технических науках, но и «в вероятностных и индуктивных рассуждениях, в теории нечётких понятий, в деонтической логике (моральные дилеммы), в доксатической логике (системы полагания)» [\[22\]](#). Высокая результативность этих логик была показана в работах по выявлению причин языковых противоречий, логических и семантических антиномий, возникающих в научном познании, а также при решении задач минимизации вреда, который может быть нанесен противоречивой информацией, поступающей в информационно-поисковые системы.

Свидетельством, подтверждающим широкие возможности применения паранепротиворечивых логик в научном познании, являются, по мнению Н. Да Коста, следующие результаты их использования: более глубокое понимание теорий развития, в частности, диалектики; доказательство возможности противоречивых, но не тривиальных теорий; разработка нетрадиционных онтологических моделей; доказательство слабости некоторых критических выступлений против диалектики; доказательство чрезмерной жесткости стандартных методологических требований, предъявляемых к научным теориям и др. [\[23, с.119\]](#).

Одним из первых, кто в конце 1880-х гг. высказал идею возможности существования паранепротиворечивой («неевклидовой», как он её называл) трехзначной логики был Ч. Пирс. Вслед за ним в самом начале двадцатого века о возможности «вообразить сказочный мир», в котором существует «искривленная» логика, писал П. Карус, а Н. А. Васильевым в своей пробной лекции в Казанском университете, была предложена «система неклассической логики не как идея, а как вполне законченная формальная конструкция, удовлетворяющая взыскательным требованиям научного сообщества» [\[24\]](#). В своей работе над «воображаемой», как он её сам называл, логикой, Н. А. Васильев использовал идеи неклассической геометрии Н. Лобачевского. При этом он не сомневался в том, что человек может мыслить противоречие. Так как любая актуальная мысль находит свое выражение в суждении, то «мыслить противоречие, - утверждал он, - это и значит образовать особое суждение противоречия или индифферентное суждение рядом с утвердительным и отрицательным суждением» [\[25, с. 69\]](#). Однако идеи Н. А. Васильева о возможности «мыслить противоречие» при его жизни не были восприняты ни российскими, ни зарубежными учёными.

Еще одним родоначальником паранепротиворечивой логики вполне справедливо считают польского ученого Я. Лукасевича. Если Н. А. Васильев предложил расширить традиционную (аристотелевскую) логику путем введения в неё понятия самопротиворечивого суждения «S есть и не есть P» [\[26\]](#), то Я. Лукасевич построил свою трёхзначную логику, где кроме значений «истинно» и «ложно» использовалось значение «возможно» или «нейтрально», что позволяло «обходить» противоречия, так как законы непротиворечия и исключенного третьего классической логики уже не являлись в ней законами [\[27\]](#).

Интерес к паранепротиворечивым логикам и их приложениям в различных отраслях научного знания существенным образом возрос к середине XX века. Одной из первых паранепротиворечивых логик, разработанной специально в целях разрешения логических трудностей, нередко возникающих в процессе того или иного рода научных дискуссий, где вполне возможно сосуществование различных, даже противоречащих

точек зрения, была «дискуссивная логика» С. Яськовского. Её аппарат не только не позволял выведения из противоречия любого произвольно взятого высказывания, но и не оставлял места правилу введения конъюнкции $\{A, B\} \vdash A \& B$ [22].

Если в самом начале своего развития паранепротиворечивые логики создавались, прежде всего, как средство разрешения и устранения парадоксов в теории множеств, в логике высказываний и логике предикатов, то в дальнейшем они стали эффективно использоваться в естественных, технических, социальных и гуманитарных науках. Так, например, в настоящее время они успешно помогают решению проблем, связанных с необходимостью выражения непротиворечивым образом поступающей в локальную информационную сеть или компьютер противоречивой информации или несовместимых данных, т. е. в тех ситуациях, когда допускается одновременная истинность (обоснованность) некоторого высказывания вместе с его отрицанием [28, с. 37]. Их аппарат работает в вероятностных и индуктивных рассуждениях, в теории нечетких понятий, в создании нетривиальных онтологических моделей и т. д.

Во всей совокупности паранепротиворечивых логик в настоящее время выделяют так называемые релевантные логики, представляющие собой формальные системы, в которых исключается принцип $(A \wedge \sim A) \rightarrow B$, а одним из фундаментальных понятий является понятие логического следования. Для преодоления трудностей, нередко возникавших в классической логике из-за неоднозначности трактовки этого понятия, и создавались релевантные логики. В настоящее время их аппарат успешно применяется при необходимости уточнения содержания тех или иных общенаучных понятий, например, «доказательство» и «опровержение», «объяснение» и «предсказание», «закон науки» и т. д., а также отдельных методологически значимых понятий, таких, как «контрфактическое высказывание», «определимость терминов в теории» и т. п. Релевантные логики используются и в решении других задач, связанных с необходимостью применения логики следования.

Достаточно хорошо известны попытки использования этих логик с целью формализации диалектики, предпринятые в семидесятых годах прошлого столетия Р. Раутли и Р. Мейер. Однако, первая созданная ими логическая система **DL**, которая содержала в своей аксиоматике противоречие $p0 \& \neg p0$ и которую они называли «диалектической логикой», на самом деле смогла формализовать лишь некоторые фрагменты диалектики. А вот разработанная ими «слабая» система **DM**, содержащая в себе все аксиомы системы **DL**, и называемая ими «статистической сентенцией диалектической логики», могла стать, по мнению Р. Раутли и Р. Мейер, вполне перспективной в решении задачи формализации диалектики [29]. Тем не менее, следует отметить, что аппарат «диалектических логик» Р. Раутли и Р. Мейера оказался вполне возможным использовать (без серьёзных негативных последствий для самой формальной системы) в качестве фундамента теорий, являющихся моделями отдельных областей, находящегося в постоянном изменении противоречивого объективного мира. В частности, в настоящее время эти логики оказались востребованы в связи с «развитием слабых разрешимых систем, которые находят применение в компьютерной науке, моделировании аргументации и процессов изменения знаний» [30].

Еще раз отметим, что возросший в последнее время интерес к неклассическим логикам объясняется тем, что на смену ранее обсуждавшимся в научном сообществе различным философским, синтаксическим, семантическим и металогическим проблемам на первый план выходят практические интересы. Именно этим, по мнению А. С. Карпенко, «объясняется "помешательство" на нечетких логиках, которые занимают чуть ли не

ведущее положение в информационных технологиях. Но главным источником такого интереса служит широкое их применение в компьютерных науках, искусственном интеллекте и программировании» [\[31\]](#).

В частности, в настоящее время, например, логика причинности используется в обсуждениях, связанных с трактовкой таких понятий как «закон природы», «онтологическая необходимость» и «детерминизм». Аппарат вероятностных логик, кроме названных уже выше областей, находит свое применение в изучении массовых случайных явлений, происходящих в природе и социуме. Языки «темпоральных модальных логик широко используются для моделирования, спецификации и верификации (анализа корректности) программных систем логического управления и «реагирующих» систем» [\[32, с.7\]](#). А в решении задач динамической верификации продукционных баз знаний и экспертных систем серьезные перспективы имеют логики с векторной семантикой, совмещающие в себе особенности нечётких и паранепротиворечивых логик [\[33\]](#).

Кроме представленных выше в кратком виде систем неклассических логик, в современных науках и практической деятельности в той или иной мере используются: *деонтическая логика*, изучающая логические связи нормативных высказываний – в области морали и права (в частности, в юриспруденции успешно работают правовые экспертные системы); *логика абсолютных оценок*, исследующая логическую структуру и логические связи оценочных высказываний – в политэкономии, лингвистике, исследованиях морали и права, анализе ценностей; *вероятностная логика* – в искусственном интеллекте и логической технике; *эпистемическая логика*, называемая иногда *логикой знания и убеждения*, основными понятиями которой являются понятия «опровержимо», «неразрешимо», «доказуемо», «убежден», «сомневается» и т. п. – в теории познания, в методологии науки, в лингвистике и психологии; *логика предпочтений*, имеющая дело с высказываниями, содержащими понятия «лучше», «хуже», «равноценно» и др. – в экономических теориях и в области этики; *логика изменения*, говорящая об изменении и становлении – в диалектике, теориях и практических исследованиях, связанных с изучением и описанием процессов возникновения и изменения состояния реальных и идеальных; *логика причинности* – во всех отраслях научного знания, изучающих причинно-следственные связи [\[34\]](#).

Вместе с тем, как мне кажется, нельзя не согласиться с тем, что, несмотря на «богатое удачами и перспективами развитие логики в течение ушедшего века», только лишь декларации её важной социально-практической роли явно недостаточно [\[2\]](#). В настоящее время у многих выпускников высшей школы невысоок уровень логической культуры, а у специалистов-гуманитариев, изучающих в том или ином объёме хотя бы только традиционную логику, довольно ясно обнаруживаются методологические изъяны и невысокая эффективность использования осваиваемого материала. Об овладении же ими современными логическими средствами говорить пока не приходится. «Богатое удачами и перспективами развитие логики в течение ушедшего века, – пишет А. Г. Кислов, – похоже, радует только самих логиков» [\[2\]](#). Поэтому, на мой взгляд, всё более очевидной становится необходимость изучения всеми учащимися вузов как минимум курса классической логики.

Библиография

1. Вригт Г.Х. Логика и философия в XX веке // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 80-91.

2. Кислов А.Г. Социокультурная кроссидентификация логики // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2011. V, I. 11. P. 134-149.
3. Кислов А.Г. Неклассические логики: аспекты деуниверсализации [Электронный ресурс] URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/39754/1/episteme_2015_09.pdf (Дата обращения: 06.05.2022)
4. Карпенко А.С. Современное состояние исследований в философской логике // Логические исследования. 2003. №10. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-issledovaniy-v-filosofskoy-logike> (дата обращения: 06.05.2022)
5. Карпенко А.С. Неклассическая логика [Электронный ресурс] URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHad66c0664897ab1fe87aad> (Дата обращения: 06.05.2022)
6. G. Birkhoff and J. von Neumann: "The logic of quantum mechanics", Annals of Mathematics 37 (1936), 823–843.
7. Васюков В. Л. Квантовая логика. / Электронная библиотека ИФ РАН. «Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс] URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH8353aee37d30fbc5402683> (Дата обращения: 06.05.2022)
8. Reichenbach H. Philosophical Foundation of Quantum Mechanics Berkeley – Los Angeles. 1946.
9. Яшин Б. Л. Дополнительность, квантовая и другие неклассические логики и современность // Неизбежность нелинейного мира. К 100-летию со дня рождения В. С. Готта. М.: Гуманитарий. 2012. 472 с.
10. Омеляновский М. Э. Диалектика революций в физической науке // Вопросы философии. 1978. № 8.
11. Меськов В. С. Очерки по логике квантовой механики. М.: Изд-во МГУ. 1986. 144 с.
12. Бор Н. Избранные труды. В 2-х т. Т.2. М.: Наука. 1971. 676 с.
13. Брусенцов Н.П. Из истории создания троичных цифровых машин в МГУ [Электронный ресурс] URL: <http://vmk78.narod.ru/Museum.files/setun-history.pdf> (Дата обращения: 05.05.2022)
14. Брусенцов Н.П.. Об использовании троичного кода и трехзначной логики в цифровых машинах. Научный отчет. М.: Изд-во ВЦ МГУ. № 24-ВТ. 1969.
15. Ивин А. А. Логика. [Электронный ресурс] URL: <https://www.litmir.me/br/?b=12785&r=22> (дата обращения: 07.05.2022)
16. Заленская Н. С. Современные исследования перспективы применения методов неклассической логики в практической философии и аргументации. Издательство «Грамота». № 8 (34) 2013, часть 1. [Электронный ресурс] URL: www.gramota.net/materials/3/2013/8-1/21.html (Дата обращения: 24.05.2022).
17. Есин А. А. Анализ современных принципов построения систем управления на основе моделей многозначной логики. УБС. 2020. Выпуск 88. С. 69–98.
18. Гетманова А. Д. Учебник логики. Со сборником задач : учебник / А.Д. Гетманова. 8-е изд., перераб. М. : КНОРУС. 2011. 368 с.
19. Ожерельева Т. А. Применение вероятностной логики в тестировании // ИТНОУ: информационные технологии в науке, образовании и управлении. 2019. №1 (11). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-veroyatnostnoy-logiki-v-testirovaniya> (дата обращения: 20.04.2022)

20. Zadeh L.A. Fuzzy sets // Information and Control. 1965. № 8. P. 338–353.
21. Болдырев А. С. Применение деонтической логики и логики действий в юридической практике. Логико-философские штудии [S.l.], v. 10, n. 4, март 2013. ISSN 2223-3954. . (Дата обращения: 24.05.2022).
22. Карпенко А. С. Логика паранепротиворечивая / [Текст] А. С. Карпенко // Гуманитарная энциклопедия.-Центр гуманитарных технологий.-2010–2017 (последняя редакция: 05.09.2017). [Электронный ресурс]: URL: <http://gtmarket.ru/concepts/6976> (Дата обращения: 07.05.2022)
23. Да Коста Н. Философское значение паранепротиворечивой логики / Н. Да Коста // Философские науки. № 4.1982. С.114–125.
24. Бажанов В. А. Российские истоки неклассической логики: персоналии, идеи, социокультурный контекст // Логико-философские штудии-3. СПб: Изд-во СПбГУ. 2005. С. 3-12.
25. Васильев Н. А. Воображаемая логика. Избранные труды. М.: Наука. 1989. 263 с.
26. Бажанов В. А. Н. А. Васильев как мыслитель. К 100-летию открытия воображаемой логики / В. А. Бажанов // Вопросы философии. 2010. № 6. С. 103-113
27. Lukasiewicz J. Logica tzojwartosciowa. Ruch. Filozoficzny, r.V, ur. 9. Lwow. 1920.
28. Яшин Б. Л. Рациональность и неклассические логики // Проблемы современного образования. 2018. №1. С. 32– 47.
29. Routley R., Meyer R. K. Dialectical Logic, Classical Logic and the Consistency of the World // Studies in Soviet Thought.1976. Vol. 16. P. 1–2
30. Зайцев Д. В., Сидоренко Е. А. Логика релевантная / Гуманитарная энциклопедия: Концепты [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2002 –2019 (последняя редакция: 17.12.2019). URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6923> (дата обращения: 07.05.2022)
31. Карпенко А. С. Неклассические логики versus классической // <https://iphras.ru/uplfile/logic/karpenko/Non-classical.pdf> (дата обращения: 07.05.2022)
32. Кузьмин Е. В. Неклассические логики высказываний: учеб. пособие / Е. В. Кузьмин; Яросл. гос. ун-т. им. П. Г. Демидова. Ярославль : ЯрГУ. 2016.160 с.
33. Нитежук М. С., Аршинский Л. В. Неклассические логики в задаче верификации продукционных баз знаний // Информационные и математические технологии в науке и управлении. 2020. №2 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neklassicheskie-logiki-v-zadache-verifikatsii-produktsionnyh-baz-znaniy> (дата обращения: 10.05.2022).
34. Ивин А. А. Импликации и модальности. [Электронный ресурс]: URL: https://iphras.ru/elib/Ivin_implikacii.html (дата обращения: 26.05.2022).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой весьма информативное описание практики и перспективных направлений использования неклассических логик в современной науке. Автору удаётся совместить глубину понимания нетривиальных логических и методологических проблем и доступность изложения этого сложного материала. Всякий,

кому доводилось обращаться по проблемам логики к аудитории, не всегда достаточно подготовленной в этой области, согласится с тем, что сделать профессиональное изложение и оценку логической проблематики доступными весьма непросто. Об актуальности избранного автором ракурса обращения к теме современной логики можно говорить, думается, на двух различных по степени своей «широты» уровнях. Прежде всего, автор обобщает и систематизирует большой уже накопленный на сегодняшний день материал, показывая, каким образом неклассические логики используются в физике и других научных дисциплинах, в этом отношении можно говорить об актуальности предстоящей публикации «для профессионалов». Однако статья не случайно заканчивается (по-видимому, выстраданным) призывом к изучению в вузах в качестве обзорного курса хотя бы традиционной формальной логики, без чего о расширении использования неклассических логик, разумеется, говорить совершенно бессмысленно. Чтобы понять мотивы подобного призыва, достаточно обратить внимание на то, что в последние годы логика исключается из учебных планов даже тех студентов вузов, которые обучаются по специальности «юриспруденция». Поэтому автор совершенно справедливо замечает: «В настоящее время у многих выпускников высшей школы невысок уровень логической культуры, а у специалистов-гуманитариев, изучающих в том или ином объёме хотя бы только традиционную логику, довольно ясно обнаруживаются методологические изъяны и невысокая эффективность использования осваиваемого материала. Об овладении же ими современными логическими средствами говорить пока не приходится. ... Поэтому, на мой взгляд, всё более очевидной становится необходимость изучения всеми учащимися вузов как минимум курса классической логики». В указанном аспекте следует говорить не просто об актуальности, но и о злободневности избранной темы. Если даже куда более сложные и «парадоксальные» логики, как показывает автор, находят сегодня себе применение, то как можно не преподавать юристам, филологам, педагогам и представителям других специальностей классическую логику, позволяющую проверить совместимость суждений, отличать «прямые» доказательства от «косвенных», да и просто грамотно, последовательно излагать материал в ходе обычного школьного урока? Следует констатировать, что представленная статья восполняет недостаток публикаций, разъясняющих самой широкой читающей аудитории значение логики и возможностей её использования в науке, педагогике, в обыденной жизни. Недостатки статьи в сравнении с её достоинствами несущественны. Возможно, имеет смысл разбить текст на несколько разделов. Кроме того, следует внести исправления в последнее предложение первого абзаца, в котором запятая после «поэтому» является лишней, а «неудивительно» следует писать слитно. Впрочем, и в отношении языка следует сказать, что статья в целом производит весьма благоприятное впечатление, в тексте почти нет фрагментов, к которым можно было бы предъявить какие-либо претензии с точки зрения синтаксиса или стилистики. Рекомендую опубликовать статью в научном журнале.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Малахова Е.В. — Цивилизационные основания социогуманитарных критериев оценки технологических инноваций // Философская мысль. – 2023. – № 1. – С. 26 - 41. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.1.39544 EDN: BHTJQG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39544

Цивилизационные основания социогуманитарных критериев оценки технологических инноваций

Малахова Елена Владимировна

ORCID: 0000-0002-1829-8234

кандидат философских наук

доцент, кафедра международных отношений, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»; докторант, Институт философии Российской академии наук

115409, Россия, г. Москва, шоссе Каширское, 31

✉ e.v.malahova@mail.ru

[Статья из рубрики "Философия науки"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.1.39544

EDN:

BHTJQG

Дата направления статьи в редакцию:

29-12-2022

Аннотация: В работе указано, что цивилизационные основания социогуманитарных критериев оценки технологических инноваций – это, в первую очередь, ценностно-нормативные системы каждой отдельно взятой цивилизации, и их видоизменение неминуемо или приводит к цивилизационному кризису, или является его следствием. Сами подобные кризисы рассматриваются не столько с позиций их оценки (позитивной или негативной), сколько исходя из представлений об их системной природе – как некий сбой в функционировании системы, происходящий или от недостаточной ее способности адекватно отвечать на внешние вызовы, или от рассогласованности в темпах и направлении развития ее отдельных частей. В данной статье цивилизационные основания, на которых базируются критерии оценки научно-технических инноваций, рассматриваются исходя из следующих соображений: 1) идеи о том, что современная цивилизация принадлежит именно к техногенному типу, с опорой на труды В. С. Степина; 2) методологии изучения цивилизации как аутопойетической рекурсивной системы. Согласно выводам статьи, современная техногенная цивилизация не обладает всей полнотой оснований, необходимых для формирования непротиворечивой целостной системы социогуманитарных критериев оценки технологических инноваций, однако

такого рода основания могут возникнуть при условии выхода из текущего ценностно-мировоззренческого кризиса путем преодоления противоречия между эвристической и телеологической частями существующей картины мира.

Ключевые слова:

технологические инновации, техногенная цивилизация, аутопойезис, рекурсия, кризис, ценности, критерии оценки, нормы, система, среда

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование проведено при финансовой поддержке научного проекта РНФ (гранта) № 21-18-00184 «Социогуманитарные основания критериев оценки инноваций, использующих цифровые технологии и искусственный интеллект».

ACKNOWLEDGMENTS This work is funded by Russian Science Foundation, project 21-18-00184 "Social and humanitarian foundations of criteria for evaluating innovations using digital technologies and artificial intelligence".

1. Введение

Когда речь заходит о критериях оценки научно-технологических инноваций, возникает целый ряд сложностей, связанных как с трактовкой самого понятия критерия оценки, так и с вопросами происхождения и источников этих критериев. В данной статье мы сделаем акцент именно на втором, хотя прояснение значения критерия, нормы, сущности оценки также окажется необходимым.

Целью данной работы является поиск причины происхождения указанных критериев, органически связанной с той техногенной цивилизацией, которая и породила технологические инновации, будучи затем вынуждена вырабатывать формы регуляции их внедрения и развития.

Вопросы, на которые мы хотели бы попытаться ответить в данной работе, следующие.

- 1) Что такое критерии оценки технологических инноваций? Для этого нам необходимо будет обратиться к проблеме того, что представляют собой вообще критерии каких бы то ни было оценок.
- 2) Откуда те или иные критерии берутся в техногенной цивилизации (и в любых цивилизациях вообще)?
- 3) Как связана изменчивость, присущая цивилизациям, с возникновением и видоизменением интересующих нас критериев? Этот вопрос особенно важен именно для техногенной цивилизации с ее научно-техническим прогрессом и, следовательно, постоянной изменчивостью. Более того, поскольку все чаще звучат небеспопеченные заявления о кризисе этого типа цивилизации, то в данной работе мы предполагаем специально остановиться на причинах этого кризиса и его роли как силы, формирующей новые цивилизационные основания для критериев оценки научно-технических инноваций.

2. Методология

Начать следует, как водится, с поиска и выбора подходящей методологической основы исследования. Данная работа посвящена, в первую очередь, проблемам

функционирования социума в условиях массового внедрения технологических инноваций, поэтому вопросы фундаментальной аксиологии мы оставим в стороне, сосредоточившись, в первую очередь, на проблемах цивилизационной динамики и ценностного ядра культуры и цивилизации.

С этой точки зрения объектом, независимым от нас, предстанет, как ни странно, не цивилизация как таковая, а именно существующий и исторически изменяющийся социум. А цивилизация окажется одной из частей предмета исследования, требующей соответствующей проблематизации наряду с другими: понятием и значением цивилизационного кризиса и ролью ценностной составляющей.

Если попытаться выяснить соотношение этих частей комплексного предмета нашего исследования, то можно пока что сделать ряд предположений, обоснованию которых будут посвящены следующие части работы: 1) ценностную составляющую можно рассматривать как ядро, основополагающую часть мировоззрения любой цивилизации, определяющую через представления о возможном и желаемом, в том числе, и векторы развития материальной культуры; 2) тип цивилизации (в том числе традиционные и техногенные) представляет собой понятие, которое используется для очерчивания определенного круга исторически изменяющихся феноменов как принадлежащих по содержательным и формальным (структурным) характеристикам к общему для них полю культуры; 3) видоизменение критериев оценки инноваций, порождаемых той или иной цивилизацией, знаменует серьезные мировоззренческие подвижки, вызванные необходимостью привести эти инновации в соответствие с уже имеющимися нормативными системами или при необходимости дополнить последние – и все это происходит в форме более или менее масштабных системных цивилизационных кризисов; 4) и наконец, сам подобный кризис представляет собой процесс, который может иметь место только внутри некой системы как одно из ее возможных состояний, возникающих в ответ на внутренние проблемы или внешние вызовы.

Таким образом, мы приходим к рассмотрению техногенной цивилизации как некой системы, в которой (возможно) наблюдается кризис, связанный с ее ценностной составляющей и постепенным видоизменением таковой.

В качестве методологического подхода в данном исследовании мы используем концепцию аутопойезиса, предложенную У. Матураной [\[1\]](#) и развернутую Н. Луманом [\[2\]](#) в его многочисленных работах, посвященных социальным системам. Также мы опираемся на работы А. Богданова [\[3, 4\]](#) и некоторых других теоретиков системного движения [\[5\]](#), рассмотревших особенности и значение кризисов в социальных системах.

Мы предполагаем, что, если в современной нам техногенной цивилизации присутствуют некие источники базовых норм, то они, как таковые, будут отображаться на всех уровнях существования этой цивилизации и внедрения ею в свою повседневную практику технологических инноваций.

3. Результаты и обсуждение

3.1. Проблематизация техногенной цивилизации как типа цивилизационного развития

Понятия цивилизации вообще и техногенной в частности, сами по себе, прежде чем использоваться в данной работе, требуют некоторого пояснения, так как содержание их конструируется в зависимости от выбранной теоретико-методологической платформы.

Мы не имеем возможности здесь детально рассматривать особенности множества

определений цивилизации, поэтому ограничимся тем, что дадим такую формулировку определения этого термина, которая даст нам возможность далее работать с ним в рамках этого небольшого исследования. Итак, под цивилизацией мы здесь понимаем как определенный этап социального развития (используя предложенное В.С. Степиным разделение цивилизаций на традиционные и техногенную [6]), так и внутренне присущее этому этапу состояние общества как целостной системы.

Понятие цивилизации изначально, как известно, употреблялось в относительно узком смысле [7], практически отождествляясь с примерно в таком же значении применявшимся понятием культуры – как образованности, воспитанности и следования нормам определенного социума. Термин «цивилизация» стал активно употребляться примерно начиная с XVIII века, а значительный всплеск интереса к цивилизационной проблематике пришелся на конец XIX - первую половину XX века, когда были написаны классические труды Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, П. А. Сорокина. Стоит отметить, что их концепции, акцентировавшие внимание на множественности и уникальности цивилизаций, в дальнейшем нередко противопоставлялись линейно-стадиальным подходам, в частности, формационному, хотя последнее и не всегда правомерно.

Одна из знаковых попыток преодолеть это зачастую мнимое противопоставление была предпринята В. С. Степиным в его концепции техногенной цивилизации. С одной стороны, Степин противопоставляет техногенную цивилизацию традиционным как определенный этап – вполне в рамках стадиального подхода. С другой стороны, традиционные цивилизации могут рассматриваться во всей их множественности и неповторимости каждой из них, при том, что все они, по мысли Степина, качественно отличны от техногенной, экспансивной по своей сути и стремящейся к унификации. Если традиционные цивилизации видели идеальные образцы в прошлом и стремились поэтому сохранить базовые мировоззренческие структуры в неизменности, насколько это возможно, то техногенная цивилизация, наоборот, устремлена в будущее – от несовершенного настоящего вперед, к прогрессу, обусловленному, в основном, развитием науки и техники.

И здесь этот цивилизационный тип попадает в ловушку, способную вызвать, а возможно, и уже вызывающую его кризисное состояние – хотя бы потому, что цивилизация как определенный социокультурный тип должна развиваться равномерно, в то время как говорить о прогрессе однозначно можно только в очень немногих областях, одни из которых, конечно, наука и технологии. Таким образом, предвзято наши последующие рассуждения, можно сказать, что стремящаяся к прогрессу техногенная цивилизация неизбежно сталкивается с внутренними противоречиями из-за различной способности своих «частей» к изменениям.

3.2. Понятие критерия оценки

Говоря с позиций философии о критериях оценки технологических инноваций, необходимо прояснить, что именно мы вообще можем понимать под такими критериями. Здесь мы отделим понятия оценки и ценности, признавая, что второе образуется в результате первого. Также мы полагаем, что ценность – это результат деятельности субъекта по оценке любого объекта при помощи некоего заранее известного субъекту критерия. Сам критерий, в свою очередь, особенно если речь идет о коллективных социальных субъектах, оказывается напрямую связан с существующей нормой, постулирующей, что нечто обязательно/разрешено/запрещено.

Норма делает возможным оценку действия или явления, но не объясняет, почему именно его следует оценивать как более или менее или абсолютно положительное, отрицательное, или же как нейтральное. Объяснение позиции, с которой производится оценка, осуществляется в рамках той или иной этической концепции. Явление может быть полезно или вредно с утилитарной точки зрения соответствия цели, или с точки зрения влияния на индивида, или для чего-то еще [\[8, с. 205\]](#). Здесь, конечно, можно вспомнить аргумент Юма о том, что из описания логически не следует предписания. Это так, но фактически из понимания связи между явлениями предписание более полезных действий как раз вполне может следовать, что и является, по сути, одним из первичных квазиэмпирических обоснований норм. В ситуациях, когда обоснование оценок и норм может быть квазиэмпирическим [\[8, с. 252\]](#), в принципе, такое обоснование смыкается с объяснением, почему норма возникла, и иногда, почему лучше ей следовать, чем наоборот. Вообще, как раз не полностью эмпирическими (или вообще неэмпирическими) обоснованиями норм как раз занимается философская этика и отчасти, другие философские дисциплины.

Тем не менее, мы не можем согласиться с утверждением Ивина [\[8, с. 93\]](#) о том, что моральные рассуждения имеют двойственный дескриптивно-прескриптивный характер. Мы настаиваем на том, что любое моральное суждение, кажущееся описанием («этот поступок хорош/плох»), абсолютно всегда содержит предписание, что стоит или не стоит так поступать и далее. То есть такие суждения всегда прескриптивны. Другое дело, что кажущаяся дескриптивность их приводит к ощущению их объективности, неизменности и неоспоримости.

Практика является универсальным критерием и истины, и ценности только на сугубо эмпирическом и утилитарном уровне. На более высоких уровнях критерии того и другого лежат в теоретических построениях – или научных (в случае истины), или философских (аксиологических, этических и других – в случае ценности). Кроме того, даже утилитарный уровень оценки чего-то как полезного с неизбежностью восходит или к научной теории, обосновывающей некую «пользу», или, опять же, к философско-этическим концепциям. Соответственно, в итоге, именно доминирующие в том или ином обществе научные/философские/религиозные концепции будут определять даже, казалось бы, сугубо утилитарные оценки, не говоря о всех прочих. Эти оценки также будут значимы, как мы предполагаем, на всех уровнях существования конкретной цивилизации, так как она представляет собой рекурсивную аутопойетическую систему, постоянно воспроизводящую сама себя и повторяющую свои основные структурные особенности на всех уровнях.

3.3. Цивилизация как аутопойетическая система

Цивилизации изучались и продолжают рассматриваться с позиций культурологии, истории, антропологии и других дисциплин, что ведет к большому разнообразию существующих методов, наибольшее значение среди которых исторически имели дескриптивные, «индивидуализирующие», по терминологии неокантианцев. Однако многое начало меняться с появлением системных и структурно-функциональных подходов. С одной стороны, они обладали очень мощным эвристическим потенциалом, с другой стороны, возлагаемые на них надежды были настолько велики, что вряд ли могли быть оправданы. Несмотря на активное развитие и системного подхода (в широком смысле), и общей теории систем вместе с ее многочисленными производными – все же, в целом системное движение к концу XX и началу XXI веков стало отходить на периферию научного дискурса, так как, по мнению многих исследователей, оказалось не в силах

решить заявленные задачи (или, скорее, сверхзадачи) и создать общую теоретико-методологическую платформу, актуальную практически для всех областей научного знания.

Причин этому несколько, и в ретроспективе они достаточно хорошо видны. Одна из них была ранее уже обозначена в критике теории систем П. К. Анохиным ^[9] – из-за отсутствия понятия о системообразующем принципе зачастую неясно, почему и каким образом возникает именно эта конкретная система, а не какая-то иная в каждом отдельно взятом случае. Здесь можно выйти и на более фундаментальный вопрос: на каком общем основании, кроме несколько спорного ряда индуктивных обобщений эмпирических данных, возможен вывод о том, что у ряда различных (социальных, биологических, физических) систем есть фундаментальные общие черты? Найти на него ответ можно, вероятно, лишь при исчерпывающем (а поэтому, едва ли возможном) знании каждой отдельно взятой частной системы, представления о которых затем могли бы объединиться в некую общую метатеорию, которая функционировала бы уже, скорее всего, как своеобразный субститут философских онтологий в духе Пифагора, Аристотеля или Гегеля.

Системная теория, по сути, осталась своего рода «системной гипотезой», чрезвычайно интересной и многообещающей, но так до конца и не обоснованной. Однако, последнее вовсе не помешало использовать ряд частных наработок системного движения для развития целого ряда направлений и дисциплин – от теории информации до психологии. То есть там, где искомый системообразующий фактор наличествует, и эссенциальные (а не только формальные) особенности отдельно взятых систем хорошо изучены, системный подход может применяться вполне успешно.

Характерно, что с похожими проблемами и примерно в тот же период столкнулись классический структурализм и структурный функционализм. О последнем мы далее поговорим более подробно, а по вопросам, связанным с первым, целесообразно обратиться, например, к довольно известной и в каком-то смысле даже программной работе в рамках постструктурализма – «Отсутствующей структуре» У. Эко ^[10]. Этот автор, не в меньшей степени ученый, чем писатель, достаточно ясно обрисовывает причины отказа от фундаментальных классических структуралистских построений К. Леви-Строса ^[11]. Несмотря на то, что найти общие фундаментальные «праструктуры» в культуре, языке, мифологии различных народов очень заманчиво, но чем выше здесь уровень абстракции, тем сложнее оказывается верифицировать полученные выводы с помощью эмпирических данных, и тем выше шанс, что факты будут «подгоняться» под теорию. Чтобы всего перечисленного избежать, Эко предлагает не онтологизировать структуры, а сознательно остановиться на том уровне, где они еще могут носить прикладной, пусть и в большей мере частный характер.

Но здесь остается нерешенным еще один чрезвычайно важный и непростой, особенно для гуманитарных дисциплин, вопрос. А именно: на каком основании мы вообще можем быть уверены, что построенная нами система обладает объяснительной силой, да и вообще хоть как-то соотносится с «реальным» миром? Ведь в случае изучения вопросов социальных, культурных и психологических каждое явление способно нести в себе индивидуальные черты, которыми не всегда можно пренебречь, так как они могут оказаться критичными для дальнейшего поведения этого феномена. И рассмотрев даже достаточно большую совокупность фактов, мы практически никогда не сможем быть уверены, что среди не рассмотренной нами (и часто, неизмеримо большей) совокупности не найдется контрпримеров. Или что выведенные нами закономерности действительно

учитывают все значимые параметры даже одного отдельно взятого явления, а не упрощают его принудительно.

Системный подход сам по себе в широком смысле можно отнести к генерализирующим методам, и спор, насколько подобные методы вообще правомерны в гуманитарных дисциплинах, восходит еще к неокантианцам. Может показаться, что данная проблема в принципе неразрешима, но это так лишь в определенной, если угодно «системе координат» познавательной деятельности. Причем идея, переносящая системность из познаваемого в познающего, опять же, не является чем-то новым, и в наиболее явной и обоснованной форме представлена в «Критике чистого разума» Канта. Рассматривая фундаментальный вопрос о том, как вообще возможны априорные синтетические суждения, без которых науку было бы нельзя представить как факт, Кант, как известно, настаивает на том, что именно познающий субъект формирует познаваемое, а не наоборот, поэтому неверна была бы сама постановка вопроса, при которой существуют отдельно познаваемая реальность, некая системная теория и познающий субъект, пытающийся привести второе в соответствие с первым. «Разум должен подходить к природе, с одной стороны, со своими принципами, лишь сообразно с которыми согласующиеся между собой явления и могут иметь силу законов, и, с другой стороны, с экспериментами, придуманными сообразно этим принципам для того, чтобы черпать из природы знания...» [\[12, с. 17\]](#).

Таким образом, если применить все сказанное к системному подходу (даже не системной теории), то можно надеяться снять вышеуказанное методологическое противоречие. В данном случае мы вовсе не беремся утверждать в духе субъективного идеализма, что попадаем в замкнутый круг, изучая те системы, которые сами же и создаем, безотносительно внешней реальности. Напротив, системность в таком случае будет, скорее, структурированной формой, посредством которой мы в принципе можем сначала заметить, а потом попытаться объяснить имеющиеся в реальности взаимосвязи явлений. Здесь можно было бы провести аналогию с любым естественным языком (тоже представляющим собой систему), вне которого едва ли возможно представить себе человеческое мышление.

Однако для целей нашего исследования следует учесть специфику систем особого рода – таких, как цивилизации. С одной стороны, их чрезвычайная масштабность делает зачастую весьма затруднительной эмпирическую проверку выявляемых гипотетических закономерностей. С другой стороны, сами по себе цивилизации являются, в некотором смысле, «рукотворными» образованиями в том смысле, что созданы людьми, пусть и не целенаправленно. Наблюдатель и исследователь, таким образом, одновременно создает теорию как объяснительную систему и при этом сам с этой теорией оказывается вписан в собственную цивилизацию, которую тоже вполне можно понимать как сложную систему взаимосвязей.

Одной из наиболее последовательных и при этом относительно недавних по времени попыток применения системного подхода для изучения динамически развивающегося социума стали исследования Н. Лумана. Он же детально проанализировал методологические основания возможности подобного подхода, поэтому обращение к его работам здесь будет более чем уместно.

Луман защищает, в том числе, и подходы своих предшественников в социальных исследованиях – структурных функционалистов. Несмотря на то, что господство структурного функционализма в социальных исследованиях продлилось ненамного дольше, чем структурализма – в исследованиях в сферах культурологии, антропологии и

этнографии – все же его эвристический потенциал не стоит приуменьшать. Структурно-функциональный подход позволял, в первую очередь, понять, из каких частей состоит тот или иной социум, как эти части взаимосвязаны между собой и зачем в принципе необходимы. Без всего этого построить сколько-нибудь внятную целостную теорию, объясняющую социальные явления, едва ли возможно. И Луман совершенно справедливо обращает внимание на то, что едва ли оправдана критика структурного функционализма с тех позиций, что он, якобы, не способен объяснить социальную динамику и возникновение социальных кризисов и конфликтов. Как мы увидим далее, сам феномен кризисов может возникнуть лишь в некой системе, которая должна для этого уже существовать, изменяться во времени и, вероятно, взаимодействовать с внешней для себя средой, причем последняя может быть и ресурсом, и катализатором возможных изменений.

Здесь стоит также хотя бы вкратце упомянуть о том, что изначально на формирование структурно-функциональных подходов повлияли не только такие классики социологии, как Э. Дюркгейм, но также этнографы и антропологи – к примеру, Б. Малиновский и А. Радклифф-Браун. Для того, чтобы понять особенности неизвестных европейским исследователям культур и обществ, нужен был теоретико-методологический аппарат, который позволил бы проводить параллели и «переводить» понятия одной культуры на язык другой. Хотя бы только для этого в культурах и социумах нужно было выделять некие структуры. Несколько позднее подобные подходы стали своего рода «общим местом» также в прикладных исследованиях различных субкультур в рамках пусть даже некоего единого общества, так как XX век предоставил здесь чрезвычайно богатый материал для изучения.

Луман, основываясь на работах своих предшественников, тем не менее, создает собственную целостную теорию, в которой достаточно часто опирается на кибернетику второго порядка, где находится место для наблюдателя – чрезвычайно важной составляющей для системных исследований Лумана.

Рассматривая социум как систему, Луман чрезвычайно значительное, хотя и заслуженное, внимание уделяет самому понятию системы, ее возможным характеристикам и особенностям. Именно это и делает его подход особенно интересным для нас.

Начинает Луман с определения системы, если можно так сказать, «извне» – с точки зрения ее отличия от всего, что ею не является. Если речь идет о любой открытой системе (а именно такие интересуют Лумана), то она может существовать только во взаимоотношениях обмена с внешней для себя средой, которая тоже будет определяться как таковая именно по отношению к данной системе. Система, таким образом, в первую очередь постулирует себя как различие между собой и окружающим миром. И в этой же связи система как таковая способна порождать информацию.

Этот момент особенно важен как раз именно для интересующих нас социальных и культурных систем. Это системы, в первую очередь, символические и нормативные. Если представить их как своего рода язык, то он будет не только сообщать и открывать некие смыслы, но также одновременно и скрывать их – от всех тех, кто им не владеет. Одна из функций культурных символов, заметная в первую очередь – это функция отделения, отграничения культурного пространства или какой-то его части. Это может быть граница между сакральным и профанным, или между двумя культурами, или же между культурой и субкультурой. Во всех случаях именно граница будет определять как само пространство системы, так и то, что станет по отношению к последней внешней средой, а

также возможности и типы отношений между ними.

Луман полагает, что система «выстраивает себя как сцепление операций. Различие системы и среды возникает исключительно из того факта, что одна операция порождает следующую операцию того же типа» [\[13, с. 79\]](#). Таким образом, первое различие провоцирует второе, третье и так далее, по цепочке создавая систему в некоем «первичном» варианте, что вовсе не значит, что ее внутренняя структура при этом будет оставаться однородной.

Постулирование некой единой операции, создающей систему, дает Луману возможность перейти к одному из основополагающих понятий его теории – понятию коммуникации. Именно коммуникация, по Луману, формирует социум как систему, существование которой в дальнейшем и поддерживает. При этом сама коммуникация включает в себя как информацию о чем-то происходящем («внешняя референция»), так и о себе («самореференция»). Коммуникация обращается к себе и постоянно воспроизводит себя же. Таким образом, она, по Луману, в принципе не выходит за рамки той системы, которую сама же формирует и ограничивает. Система при этом существует и воспроизводится постоянным самокопированием, которое Луман называет «повторным вхождением».

Коммуникацию, однако, осуществляет субъект, наблюдатель, который тоже может осуществлять своего рода «внешнее» наблюдение (хотя об этом можно говорить с натяжкой), фиксируя отличия системы от внешней для нее среды, и самонаблюдение внутри системы, где он находится. Переключаясь между этими двумя действиями, ученый может одновременно видеть изнутри самописание общества, при этом стремясь объяснить его как бы снаружи.

Сама по себе система, полагает Луман, всегда обладает свойством оперативной закрытости, то есть ее операции всегда существуют лишь внутри нее, не распространяясь на окружающее ее пространство. Однако это вовсе не значит, что она никак не сообщается с окружающим миром. Система, чтобы что-то внешнее по отношению к себе «освоить», должна это, в некотором роде, «присвоить» – сделать сначала частью себя, перевести на понятный язык, переформулировать и, таким образом, распространиться на все те явления, которые хочет «понять».

Здесь Луман обращается также к понятию «структурной сопряженности», по его же словам, позаимствованному у Матураны. Система не обменивается с внешним миром тем, что конституирует ее собственное отдельное существование. Но она может быть структурно соотнесена с отдельными сегментами окружающей реальности, которые находятся хоть в каком-то отношении подобия с ней, поэтому данная сопряженность возможна лишь выборочно.

Интересно, что Луман, в отличие от многих других авторов, достаточно четко различает систему и структуру, которые в литературе иногда едва ли не отождествляются. Для Лумана структура представляет собой то, что создается системой посредством своих собственных операций, причем в системе может быть множество потенциально изменчивых структур, которые, тем не менее, могут не особенно влиять на всю систему целиком и возможности ее жизнедеятельности.

Для сравнения, можно привести определения системы и структуры из Новой философской энциклопедии. «Система ... – совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность,

единство» [\[14\]](#). «Структура ... – совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих сохранение его основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях, основная характеристика системы, ее инвариантный аспект» [\[15\]](#).

Структурная самоорганизация системы, по Луману, может происходить лишь потому, что система через свои операции способна создавать и определять собственные состояния, которые делают возможными все дальнейшие подобные операции. Эту особенность систем автор концепции называет «аутопойезисом».

Связывая, таким образом, возникновение структур в системе с ее операциями, Луман вводит еще одно важное замечание: для того, чтобы система могла использовать (и, видимо, воспроизводить) свои структуры, она должна «находиться в процессе оперирования» [\[13, с. 105\]](#).

Итак, цивилизация вообще и техногенная, в частности для того, чтобы создавать и воспроизводить те фундаментальные для себя мировоззренческие концепции (в рамках науки, религии или философии), которые делают возможными любые оценки, должна постоянно воспроизводить эти представления в любых своих частных структурах. Если же этого по какой-то причине не происходит, возникает рассогласованность во взаимодействии этих подсистем, провоцирующая цивилизационный кризис. Он, как мы увидим, имеет место и в современной техногенной цивилизации и служит своего рода катализатором для формирования новых социокультурных критериев оценки технологических инноваций.

3.4. Понятие и значение цивилизационных кризисов. Кризис техногенной цивилизации

О том, что современная цивилизация находится в состоянии кризиса, сказано и написано уже достаточно много, чтобы это утверждение стало почти что «общим местом» современного гуманитарного дискурса. Однако, когда мы говорим о подобном кризисе, не достаточна лишь констатация некоего нежелательного с нашей точки зрения состояния современного общества или каких-то его подсистем. Для целей как научного, так и философского анализа необходимо выделение особенностей, отличающих кризисный этап от всех иных, а также выяснение причин его наступления, которые позволили бы как объяснить данный феномен, так и предложить возможные прогнозы дальнейшего развития ситуации.

Исходя из всего сказанного, мы, в первую очередь, поставим вопрос о том, на каком основании вообще можно говорить о кризисе техногенной цивилизации. Ответ на этот вопрос также будет заключать в себе и неизбежное обращение к ценностно-мировоззренческой проблематике технологического прогресса, благодаря которому данный цивилизационный тип возник и существует именно в том качестве, которое способствовало как его развитию, так и наступлению кризисного состояния.

Итак, если мы говорим о возможности некоего цивилизационного кризиса, то необходимо прояснить, на каких основаниях, кроме чисто оценочных суждений, может базироваться данное утверждение. Для этого поясним, что мы здесь понимаем под кризисом. Определение кризиса, опять же, будет напрямую вытекать из того, на какие теоретико-методологические основания мы будем опираться. Эту зависимость несложно проследить, рассматривая историческую эволюцию понятия «кризис», которое употреблялось еще со времен Античности в политическом и медицинском значениях, затем упоминается в эпоху Средневековья и в Новое время, каждый раз приобретая

различные значения в зависимости от позиции конкретных авторов.

Однако попытки не просто констатации, но также объяснения и предсказания кризисов можно связать только с началом применения системных подходов и методов уже в XX веке. В этой связи нельзя не упомянуть работы отечественного мыслителя А. А. Богданова [3, 4], который одним из первых констатировал системную природу кризисов. Согласно Богданову, кризисы представляют собой состояния, возможные и периодически имеющие место в любых системах, включая социальные, и подлежат рассмотрению и объяснению исходя из характеристик этих систем и особенностей их взаимодействия с внешней для них средой. Данный подход положил начало рассмотрению кризисов как системного феномена, который связан со способностью систем к изменчивости.

Проблематизация кризисов, освобожденная от личных оценок, страхов, надежд, разочарований, морализаторства и прочих внешних и во многом излишних наслоений стала возможна, когда мысль о нравственной ответственности человека за наличное состояние общества стала покидать если не социальный, то по крайней мере научный дискурс. То есть относительно недавно – во второй половине XIX века (у Буркхардта) и в начале XX (у Богданова).

Особенно интересны рассуждения Богданова о социальных кризисах. Так, в последнем томе своей «Тектологии» Богданов пишет, что для того, чтобы предвидеть последствия социальной революции, наблюдателю нужно мысленно разложить социальную систему на элементы, учитывая их функции, структурные взаимосвязи, историческую преемственность – все то, из чего, согласно Богданову, будет состоять «жизнеспособность» их перед лицом того, что он и сам называет катастрофой. Распад системы (ее кризис) неизбежно должен будет завершиться воссозданием ее равновесия на новом уровне – исходя из предыдущих постулатов Богданова, в частности, о том, что структуры (эгрессивные центры), стремящиеся выполнять одни и те же властные полномочия в любой сфере, с неизбежностью будут конкурировать, а победят в итоге те, которые продемонстрируют больше гибкости и пластичности в ответ на наличные требования среды.

В конце концов Богданов постулирует универсальность кризисов для любой системы, которая видоизменяется во времени, то есть изменяет свою организационную структуру, проходя через череду мелких и крупных кризисов. Равновесие, таким образом, становится для Богданова частным случаем кризисов, а не наоборот. Однако лишь исходя из подобного видения кризисов их оказывается возможным не только описать и оценить постфактум, но также объяснить и предвидеть, а в каких-то случаях и использовать их потенциал для направления изменений системы в нужную сторону.

Завешает Богданов свой обширный труд неизбежным, вероятно, обращением к философской диалектике, что, однако, может показаться несколько неожиданным в свете его попыток всячески откеститься от философии в первом томе «Тектологии». Однако подход Богданова сам по себе диалектичен в настолько значительной степени, что он сам вынужден это признать, полагая диалектику исторически предшествующей его тектологии. Последнюю, действительно, можно считать развитием принципов первой и, в какой-то степени, их более детальным пояснением.

В самом деле, там, где сам Богданов полагает, что критикует диалектику, современному читателю может показаться, что он ее скорее дополняет и разъясняет. Например, он пишет, что в марксистской (и гегелевской) диалектике принцип возникновения

антитезиса в его отношении к тезису постулируется без разъяснения механизма и причин их взаимных соотношений.

Восполняя этот «пробел», Богданов акцентирует внимание на взаимодействии системы с внешней средой, что определяет комплекс «ответных реакций» системы, вызывающих в ней процессы дезорганизации как кризисы ее видоизменения, и затем достижение ею равновесия уже на новом уровне. Таким образом, диалектические изменения, по Богданову, детерминированы двумя факторами – внешним воздействием среды, которое заставляет систему реагировать и меняться; и внутренними свойствами самой системы, определяющими, в каком направлении и насколько она вообще способна измениться. Кризис, таким образом, будет представлять собой такое изменение системообразующих характеристик (вследствие внешних или внутренних воздействий), благодаря которому система входит в состояние неустойчивости – и из последнего уже способна выйти в качественно новом состоянии, если только не будет разрушена полностью.

Если мы говорим о кризисе техногенной цивилизации, то для того, чтобы располагать неким мерилем наличия или отсутствия подобного кризисного состояния в принципе, необходимо прояснить, что для нее является системообразующими принципами, вследствие чего они могут подвергаться изменениям, каким именно и, если возможно это спрогнозировать, с какими последствиями.

И здесь как раз мы можем предположить, какие именно воздействия способны ввести техногенную цивилизацию в состояние неустойчивости и кризиса. Данный тип цивилизационного развития сам по себе возник из-за ускорившегося научно-технического прогресса, вызванного, в свою очередь, распространением научного мировоззрения и связанных с ним ценностей – что вовсе не отменяло и не заменяло целиком предшествующих ценностных и мировоззренческих систем.

Техногенная цивилизация базируется на достижениях науки, которая основана, в свою очередь, на ценностях истины, научной новизны и неразрывно связанного со всем этим технологического прогресса. Однако все остальные ценности, необходимые для функционирования социумов в данном цивилизационном типе, должны были формироваться параллельно развитию научного мировоззрения и во многом возникли еще задолго до него. Это все те ценностные системы, на которых основываются нормативные комплексы социальных институтов, отличных от научно-технической сферы, пусть с ней и связанных.

Традиционные цивилизации развивались достаточно медленно во всех своих сферах, а потому это развитие было относительно равномерным. Однако тот резкий (в масштабах истории, конечно) рывок вперед, который сделала и продолжает делать наука, нарушил эту внутреннюю согласованность цивилизационных изменений, с одной стороны, подарив нам все блага технического прогресса, с другой стороны, создав предпосылки для будущего кризиса, который с неизбежностью должен возникнуть в такой системе с ростом ее внутренних противоречий из-за вышеупомянутой рассогласованности развития ее частей.

По мысли А. П. Назаретяна ^[16], каждая новая технология, критически важная для того или иного общества, способна порождать более или менее заметные кризисы до тех пор, пока это общество не «адаптируется» к ней как продукту собственного развития через видоизменение нормативных систем на всех уровнях социальной жизни, которые данная технология способна хоть как-то затронуть. Если учесть, что каждая новая технология помимо возрастающей по сравнению с прежними эффективности еще и, как правило,

способна нести более значительную опасность при безответственном использовании, которое не редкость при отсутствии необходимых нормативных комплексов, то все это способно еще более усугубить социальные последствия таких кризисов, добавив к социальным проблемам ряд дополнительных, к примеру, экологических.

Техногенная цивилизация, хотя и начала складываться, по мнению Степина, еще в начале Нового времени, в фазу своего активного развития вступила в эпоху индустриализации. Поэтому помимо научно-технической сферы особенности этого цивилизационного типа хорошо иллюстрируются на примере индустриального производства и работы обеспечивших его предприятий. Системные особенности их функционирования достаточно подробно описаны в работах С. Бира [\[5\]](#), где показано, что данные организации являются по своей сути рекурсивными системами, так как основополагающие структурные особенности их как целого повторяются в каждой их отдельной части и обуславливают согласованность функционирования этих частей.

Так вот, техногенная цивилизация, нацеленная на постоянное развитие и прогресс, сама по себе существует в том же модусе, что и порожденные ею организации, которые, однако, претендуют на охват лишь принадлежащей им сферы производства, оставляя, разумеется, остальные области общественной жизни другим социальным институтам.

Однако эта цивилизация (как и любая другая) в принципе не может оставлять без внимания какие бы то ни было сферы общественной жизни без того, чтобы не привести самое себя к кризису, так как эти сферы, в подобном случае, будут регулироваться нормативными системами, основанными на ценностях иных цивилизационных типов и исторических эпох. В цивилизационной системе возникнут, используя терминологию Богданова, несколько эгрессивных (структурообразующих) центров [\[4, с. 118-120\]](#), образованных различными фундаментальными ценностными представлениями и формирующих собственные нормативные комплексы, в лучшем случае независимые друг от друга, в худшем – вообще взаимно противостоящие.

4. Заключение

Итак, для целей исследования оснований социогуманитарных критериев оценки научно-технических инноваций цивилизация вообще и техногенная в частности должна быть представлена как социокультурная система (или суперсистема). Ее системообразующими принципами станут те, что могли бы применяться во всех ее сферах (в том числе, социальных институтах) независимо от их частных особенностей. То есть подобные принципы – это своего рода нормативный каркас такой системы. Для цивилизации – это ее ценностная и мировоззренческая основа. Именно она и представляет собой то цивилизационное основание для социогуманитарных критериев оценки технологических инноваций.

Таким образом, современная техногенная цивилизация представляет собой такой тип цивилизационного развития, который может дать основания для адекватных критериев оценки технологических инноваций с точки зрения соответствия последних целям, вытекающим из представлений о необходимости постоянного научно-технического прогресса, но испытывает трудности, когда речь идет о находящихся вне предмета науки представлениях о смыслах и целях.

Каковы же могут быть прогнозы дальнейшего развития событий? Любая система, войдя в фазу кризиса, может или остановиться в своем развитии (но такое застывшее состояние цивилизации вряд ли грозит на сколько-нибудь долгий срок), либо совершить

качественный рывок и приспособиться к изменившейся ситуации для собственного более эффективного функционирования, либо, если последнее не удастся, разрушиться. Чтобы избежать негативных вариантов возможного будущего, техногенная цивилизация с необходимостью должна будет найти для себя те ценностные системы, которые способствовали бы выработке нормативных механизмов, единых для всех подсистем социальной жизни – в том смысле, чтобы эти подсистемы могли развиваться равномерно, поддерживая, а не ослабляя друг друга и, тем более, не вступая в противоречия, способные разрушить цивилизацию изнутри.

Библиография

1. Maturana H., Varela F. Autopoiesis: the organization of the living // Maturana H., Varela F. Autopoiesis and Cognition. Boston, 1980. P. 63—134.
2. Луман Н. Общество общества. – М: Издательство "Логос", 2011 – 640 с.
3. Богданов А. А. Тектология: всеобщая организационная наука. В 2-х кн. Книга 1. М., Экономика, 1989. – 304 с.
4. Богданов А. А. Тектология: всеобщая организационная наука. В 2-х кн. Книга 2. М., Экономика, 1989. – 351 с.
5. Бир С. Мозг фирмы. — М.: Радио и связь, 1993. — 416 с.
6. Степин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18.
7. Келле В.Ж. Цивилизационный подход и проблемы формирования теории исторического процесса // Вопросы социальной теории. 2008. Том II. Вып. 1(2). С. 356-374.
8. Ивин А.А. Логика оценок и норм. Философские, методологические и прикладные аспекты: монография. – Москва: Проспект, 2016 – 320 с.
9. Анохин П. К. Очерки по физиологии функциональных систем. – М.: Медицина, 1975. – 448 с.
10. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: «Симпозиум», 2006. – 544 с.
11. Леви-Строс К. Структурная антропология. – М.: «Наука», 1985. – 399 с.
12. Кант И. Критика чистого разума. М., Издательство «Мысль», 1994. – 591 с.
13. Луман Н. Введение в системную теорию (под ред. Дирка Беккера). – М. «Логос», 2007 – 360 с.
14. Садовский В.Н. Система / Новая философская энциклопедия. 2-е изд., испр. и допол. — М.: Мысль, 2010. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHd77bbce481b4406a90ced7>
15. Структура / Новая философская энциклопедия. 2-е изд., испр. и допол. — М.: Мысль, 2010. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHd078391e9cc1c83074c0d0>
16. Назаретян А. П. Нелинейное будущее: сингулярность XXI века как элемент мегаистории // Век глобализации, №. 2, 2015, с. 18-34.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена актуальной социально-философской проблематике, а в связи с тем, что техногенная цивилизация демонстрирует явные признаки кризиса, можно говорить не только о теоретической актуальности, но и о социально-политической злободневности выполненной автором работы. Статья производит также весьма благоприятное впечатление с точки зрения её структуры и содержания, а именно, её структура соответствует требованиям, предъявляемым большинством зарубежных научных журналов (при этом основная часть «Результаты и обсуждение» также снабжена облегчающими ознакомление с ней подзаголовками), а в основе содержания статьи лежит обсуждение идей известного немецкого социолога прошлого века Н. Лумана. Собственные размышления автора подталкивают его к заключению, что на переживаемом сегодня техногенной цивилизацией этапе кризиса рано говорить о том, что она обречена на деградацию и распад, хотя, как мы предполагаем показать ниже, достаточные основания для подобного сдержанно-оптимистического прогноза не представлены в тексте самой статьи. Круг используемой в статье литературы нельзя назвать широким и разнообразным, однако он достаточен для тех целей, которые ставятся автором. Несмотря на общую положительную оценку рецензируемой работы, представляется целесообразным сделать несколько критических замечаний, учёт которых мог бы способствовать улучшению текста. Так, кажется, автор пропустил одно слово в формулировке названия статьи – «выделение», ведь речь у него идёт именно об основаниях выделения критериев оценки, а не о неких критериях, которые, якобы, могли бы существовать и в самих «цивилизационных основаниях»; критерии – то, что выделяется исследователем с определённой целью, и вне указанной операции ни о какой их реальности говорить нельзя. Далее, трудно уловить связь основной части текста статьи (в которой обсуждается, напомним, концепция Н. Лумана) с её заключением. Легко заметить, что хорошо известные (в том числе, и в нашей стране) представления немецкого социолога не образуют последовательного хода мысли, которую можно было бы считать авторским вкладом в обсуждение заявленной проблемы. Возникает естественный вопрос: зачем излагать весь этот довольно богатый материал, если в заключении воспроизводятся лишь весьма простые (и небезупречные по своей убедительности) констатации? Именно, в качестве «системообразующих принципов» техногенной цивилизации, о судьбе которой идёт речь, провозглашается то, что автор излишне лаконично обозначает как её «ценностная и мировоззренческая основа». Прочитаем самый важный фрагмент заключения: «Чтобы избежать негативных вариантов возможного будущего, техногенная цивилизация с необходимостью должна будет найти для себя те ценностные системы, которые способствовали бы выработке нормативных механизмов, единых для всех подсистем социальной жизни – в том смысле, чтобы эти подсистемы могли развиваться равномерно, поддерживая, а не ослабляя друг друга и, тем более, не вступая в противоречия, способные разрушить цивилизацию изнутри». Что же это за «основа», и почему именно «ценности» и «мировоззрение»? Вытекает это как-то из предшествующего материала? Рецензент должен признаться, что не видит здесь существенной связи, подобный вывод можно было провозгласить и без изложения идей Лумана, достаточно просто ... проигнорировать материалистическое понимание истории, сделать вид, что Маркса не существовало (он вообще не упоминается в тексте, отсутствуют его труды и в библиографии). Однако это, думается, самое слабое место статьи исправить до публикации уже не удастся, текст сложился именно таким образом, что существенно изменить его в этой части уже невозможно. Но возможно, например, избавить его от неуместного использования «модных» терминов, которые только засоряют повествование. Посмотрим на фрагмент, содержащий выражение «субститут философских онтологий в духе Пифагора, Аристотеля или Гегеля»: нуждается ли отечественный философский словарь сегодня «субституте»? В действительности, один

примечательный «субститут» в тексте содержится, и он представляется крайне неудачным: Умберто Эко «заменяется» на «этот автор», что звучит недопустимо пренебрежительно в отношении мыслителя такого масштаба. Может быть, это место вообще лучше снять, поскольку «неоплатонически-апофатическая» теория Эко, для которого всякая структура – это «след» того, что структуры не имеет, не связана непосредственно с обсуждаемой автором проблематикой «имманентной» системности. Отметим также, что в одном предложении текста явно пропущено слово «ей» «...такое застывшее состояние цивилизации вряд ли грозит (ей?) на сколько-нибудь долгий срок». Несмотря на высказанные замечания, часть из которых может быть учтена в рабочем порядке, представляется оправданным рекомендовать рецензируемую статью к публикации в научном журнале.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Кузьмин П.А. — Семиотический метод как аспект методологии социальной философии: опыт С.С. Аверинцева // Философская мысль. – 2023. – № 1. – С. 42 - 53. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.1.39240 EDN: BFRSNT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39240

Семиотический метод как аспект методологии социальной философии: опыт С.С. Аверинцева

Кузьмин Платон Алексеевич

ORCID: 0000-0001-9001-9167

преподаватель, кафедра современных аксиологических проблем и религиозной мысли, Российский государственный социальный университет

129226, Россия, г. Москва, ул. Корнейчука, 52, 346

✉ platonkuzmin@gmail.com

[Статья из рубрики "Социальная философия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.1.39240

EDN:

BFRSNT

Дата направления статьи в редакцию:

24-11-2022

Аннотация: Предметом исследования является соотношение применения семиотического метода С.С. Аверинцевым с социальной философией. Целью работы - продемонстрировать, как и в какой степени С.С. Аверинцев применял семиотический метод и выявить принадлежность этого метода к социально-философскому полю. Автор выделяет и конкретизирует специфически семиотические черты методики Аверинцева. Раскрывается роль знака в мировоззрении ранневизантийского общества, формировании этого мировоззрения и его адекватном изложении, знак как отражение жизни общества и в то же время как фактор, влияющий на неё. Рассматривается проблема способности знака передать философский и богословский смысл. Материалом для исследования служит труд С.С.Аверинцева "Поэтика ранневизантийской литературы". В результате работы были выделены и конкретизированы специфически семиотические черты методики Аверинцева. Сергей Сергеевич в своих исследованиях с разной степенью интенсивности использует термины «семиотика», «знак», «знаковая система», «структура», «контекст», «репрезентация», «значение», понятие «функция слова» которые характерны для семиотики как науки. С.С. Аверинцев затрагивает философско-мировоззренческие темы. Он касается таких философских понятий и тем как бытие, онтология, антропология, благо, трансцендентное, инаковость, смысл.

Новизна исследования обусловлена тем, что семиотический аспект работ Аверинцева не исследован, также отсутствуют научные тексты, посвященные соотношению семиотического метода и социальной философии в трудах Аверинцева. Аверинцев раскрывает соотношение бытия общества со знаковым универсумом. Самое Бытие – это философский концепт. В работе Аверинцева показано, как смыслы влияют на знаки и жизнь социума, и в то же время, как сами знаки создают новые смыслы. Христианское мировоззрение предполагает такой взгляд на человека и общество, при котором человек в его единстве с Богом мыслится как существо, обладающее высшей ценностью и достоинством в сотворенном мире.

Ключевые слова:

социальная философия, семиотика, общество, методика, бытие, знак, смысл, антропология, значение, Аверинцев

В отечественной литературе, посвященной трудам Аверинцева, мало исследована методика, которую он применял. Есть воспоминания О. А. Седаковой [\[1\]](#), В. В. Бибихина [\[2\]](#). Есть диссертация Г. Г. Квиткова, в которой рассмотрен исторический подход С. С. Аверинцева в культурологии. Однако надо констатировать, что семиотический аспект работ Аверинцева не исследован, тем более отсутствуют научные тексты, посвященные семиотическому методу в трудах Аверинцева. В общих чертах о том, что семиотический аспект имеет место в работах Аверинцева, упоминает Е. И. Дворникова: «С. С. Аверинцев разработал культурологическое определение символа... Это – образ, представленный в системе культуры в аспекте своей знаковости, и как знак, наделенный всей органичностью и неисчерпаемостью образа» [\[3, с. 97\]](#). О том, что С. С. Аверинцев касался семиотической проблематики, более определенно, но и более кратко упоминают Фадеева И. Е. и Сулимов В. А.: «...разноречивость в определениях символа, соседствующая с его культурно-семиотической универсальностью, требовала «категориального методологического вскрытия» его природы. Ситуация не изменилась сегодня – причем несмотря на огромное количество исследований, начиная с трудов А. Ф. Лосева и заканчивая работами М. К. Мамардашвили и А. М. Пятигорского, К. А. Свасьяна, Ю. М. Лотмана, С. С. Аверинцева, С. С. Хоружего, - она ещё более осложнилась...Символ – начало семиозиса» [\[4, с. 25-26\]](#). Как видим, и здесь вклад Аверинцева упомянут просто в ряду других исследователей. В данной работе автор предлагаемого текста стремится вникнуть более внимательно в семиотический аспект работ Аверинцева по ранневизантийской литературе и продемонстрировать, как и в какой степени Аверинцев применял семиотический метод и выявить принадлежность этого метода к социально-философскому полю.

Аверинцев, прежде чем начать рассуждение об эстетике в своем труде «Поэтика ранневизантийской литературы», останавливается на самом термине «эстетика», а также связанных с ним терминах «прекрасное» (το καλόν), «возвышенное» (τὸ ὕψος), «гармония» (ἡ ἀρμονία) и т. п. Можно сказать, что он семиотически анализирует их. Это и есть первые знаки, которые нам встречаются в этой главе его работы. Сергей Сергеевич обозначает сложность проблемы именно через те критерии, которые характерны для семиотического метода. Он прямо пишет о необходимости выяснения функции этих знаков-терминов, показывая, что в зависимости от контекста они могут иметь различную семантику. Рассматривая древнегреческое прилагательное καλός, Сергей Сергеевич наглядно демонстрирует, что если изначально это слово вполне естественно

ассоциировать с чисто эстетической категорией прекрасного, то в контексте христианской традиции, выраженной в том числе в святоотеческом сборнике «Добротолюбие» (Φιλοκαλία), это прилагательное трактуется скорее как этическая категория «доброго». И здесь же Аверинцев сразу указывает на культурное влияние Библии, перевод Шестоднева на греческий язык, который является причиной изменения семантики этого древнегреческого прилагательного. Бог видит, что Его творение «хорошо» («βίδ' ὁ Βόγῃ, ἵκο δὲ βόγῃ»). Аверинцев обращается к древнееврейскому оригиналу, чтобы показать, что греческим словом καλός переводится прилагательное, которое на русский язык обычно переводится именно как «добрый, хороший», то есть здесь уже скорее нравственная или онтологическая семантика.

Другой знак, который анализирует Аверинцев в этой главе – это глагол «быть». Он сопоставляет также изменение его коннотаций и соотнесения с конкретным философским смыслом в зависимости от изменения исторического контекста его употребления. Слово-знак «быть» у Канта и у святых отцов не только отсылает к разным смыслам (при тождестве буквального значения), но и к принципиально противоположным мировоззрениям, о чем подробно пишет Сергей Сергеевич. При этом он указывает на особую значимость древнегреческого глагола быть и причастия «сущий» в христианской традиции, наиболее ярко подчеркнутую в древнегреческом переводе имени Божия, которым Господь Сам называет Себя в повествовании о призвании пророка Моисея в книге Исход. Сергей Сергеевич указывает на то, что слово-знак «Сущий» было избрано переводчиками Ветхого Завета под влиянием эллинистического менталитета, стремившегося применить философские категории в богословии Откровения. Это то, что можно рассматривать как использование диффузного метода, Аверинцев прослеживает влияние греческой культуры в истории использования термина «сущий», «бытие», «быть» и называет богословско-философские следствия этого влияния. Христианские богословы рассматривают эти термины как обозначения фундаментального онтологического содержания. Бытие – это истинное Благо, Сам Бог есть Бытие, и все существующее имеет место только лишь по причастию к этому Бытию. Знак-термин «бытие», «быть» здесь обозначает ключевую категорию богословия и философии. Как далее показывает Аверинцев, совсем иначе используется и осмысливается этот термин Кантом – для него это лишь глагол-связка.

В главе «Достоинство и унижение человека» Аверинцев рассматривает такой знак как образ человека, его развитие. Этот образ человека, который отражен в ранневизантийской литературе, даёт нам возможность лучше изучить и само общество того периода. Аверинцев прослеживает историю образа человека от античности и, параллельно, периода Ветхого Завета до ранневизантийского периода. Собственно, интерпретировать образ человека, сложившийся в византийском обществе, невозможно без изучения этих предшествовавших ему периодов. Здесь проявляется применение диффузного метода также, исследователь обозначает культурные феномены, повлиявшие на формирование данного знака, и в конце главы намечает культурные явления, на которые с вою очередь повлиял он сам, Аверинцев упоминает в конце главы культуру древней Руси, которая испытала определяющее византийское влияние.

Анализ образа человека Аверинцев начинает с рассмотрения контекста, в котором сформировался этот образ. Контекст этот, по словам Сергея Сергеевича, сформирован принципом «византизма», сочетанием полюсов идеологии цезаризма, власти императора, и христианства. Аверинцев затрагивает проблему соотношения государственной власти и религии в общественном сознании. Образ человека трактуется исключительно в свете христианской антропологии, которая в свою очередь,

ориентирована на христологию. Говорить об образе человека значит говорить об образе Христа. Аверинцев цитирует рождественскую стихирю Кассии «Августу единоначальствующу на земли», поясняя, что с одной стороны власть императора над человеком получает высшую, Божественную санкцию, ведь Сам Воплощенный Бог становится подданным кесаря, но с другой стороны, именно это Воплощение в конечном счете отменяет всякую власть над человеком, кроме власти Божией. Человек, даже униженный как раб, сохраняет достоинство царского сына, что далее подробно рассматривает Аверинцев.

Описывая образ Христа, Аверинцев обращается к христианским текстам византийского периода. Он цитирует Халкидонский орос 451 года, приводит формулировки из Никео-Константинопольского символа веры, цитирует и святых отцов. Это священномученик Мефодий Ликийский, святитель Иоанн Златоуст. Весьма часто Сергей Сергеевич обращается к ареопагитскому корпусу. С догматической точностью он излагает содержание христианского вероучения, чтобы верно изложить читателю представление византийцев о Христе в частности и о человеке вообще. Аверинцев подчеркивает, что Бог не только воплощается, но и вочеловечивается. Для этого Аверинцев даже приводит соответствующий древнегреческий термин из Символа веры – ἐνανθρώπιμός – вочеловечение. Этим уже само по себе подчеркивается особое достоинство человека, данное ему Богом. Однако это достоинство не самодостаточно, как это было в античной культуре. Без Божественной благодати человек падок на грех и испытывает последствия этого греха, от которых и пришел освободить человека Сын Божий. Аверинцев для верного описания образа человека, господствовавшего в ранневизантийской литературе, приводит слова святителя Мефодия Ликийского о том, что человек падший подобен мягкой податливой глине, но Бог Сам в Себе дает духовную крепость человеку в акте Воплощения в девственной утробе. Именно Бог укрепляет достоинство человека. Для усиления этой мысли Аверинцев также цитирует такого писателя ранней Византии, как святителя Иоанна Златоуста: «человека, который был ниже камней, Христос поставил выше ангелов, архангелов, престолов, господств» [\[5\]](#).

Высокое достоинство человека также подчеркивается контрастом с его наличным греховным состоянием, которое рассматривается в византийской культуре и как недолжное и как неестественное. Аверинцев приводит текст рефрена из поэмы этого периода, в котором выражено это представление: «О, сколь великою почестью взыскан был человек!» (ὦ πόσην ἀνθρώπος εὐχὴ τμήν). Также обратим внимание, что Аверинцев приводит древнегреческий оригинал этого рефрена. В поэме описывалось именно грехопадение первых людей, утеря того достоинства, которое было дано Богом. Человек призван вновь обрести это достоинство. И Сергей Сергеевич подтверждает эту мысль словами святителя Григория Назианзина о том, что человек не должен низко думать о себе. Человек – это сотворенный Бог. Он предназначен для вечной славы и блаженства, и цена возвращения этого блаженства – крестные страдания Воплощенного Бога – Господа Иисуса Христа. Можно констатировать, что излагая византийское представление о человеке, Аверинцев адекватно излагает и христианское богословие, суть евангельской проповеди.

Достоинство и унижение сочетаются в византийском образе человека особым образом, но в предшествующие эпохи античности и древнего Израиля такого сочетания не было. Чтобы понять христианский образ-знак человека, сформировавшийся в византийскую эпоху, Аверинцев рассматривает эти аспекты представления о человеке в эти предшествующие периоды.

Античная культура игнорировала всякое страдание. Само тело человека понималось как знак-регалия его достоинства. Подчеркивается не только его природная красота, но и его поза, выражающая свободу и спокойствие. Это тело свободного человека, но при этом это тело аристократа, у которого есть рабы. Его защищенность от страдания и унижения обеспечивается именно наличием рабов, которые по своему статусу подвластны и подлежат плети господина. Аверинцев обращает на это внимание и именно поэтому пишет о том, что само тело становится инсигнией, **знаком социального статуса**. Это проявляется и в текстах поэтов. В них мы не встретим речи уязвленной и страдающей плоти, слезы, если и описываются, то лишь как проявление слабости, нечто, недостойное красоты и достоинства героя.

Культура древнего Израиля, выраженная в литературе Ветхого Завета, очень часто описывала именно плоть страдающую. Страдания плоти были сопряжены со страданиями души. Для пророка нет ничего зазорного в том, что он откровенно и в ярких образах пишет о своих страданиях. Здесь страдающая плоть и образ смирения перед Богом, образ страха Божьего, и прообраз искупительных страданий Христа, как в 53 главе книги пророка Исаяи, которую также цитирует Аверинцев. Аверинцев показывает, что сочетание этих двух противоположных традиций произошло в культуре Византии благодаря христианству.

В главе «Порядок космоса и порядок истории» Аверинцев использует термин «знаковая система», применяя его к христианской традиции. Он пишет о том, что на формирование этой знаковой системы повлияла библейская традиция. Таким образом, Сергей Сергеевич продолжает проследить влияние библейской и античной традиций на ранневизантийскую литературу. Примечательно, что в этой главе Аверинцев отличает собственно христианскую традицию, веру Нового Завета, от византийской идеологии. Основная мысль этой главы заключается в том, что линейный историзм Библии в сочетании с античным наследием неоплатонизма, его онтологизма, в ранневизантийскую эпоху вдохновило деятельность двух богословских школ – Александрийской и Антиохийской, диалог и противостояние которых определили жанры и содержание ранневизантийской литературы. Аверинцев перечисляет жанры текстов, которые помогают нам убедиться в этом. Это апокрифы, проповеди, кондаки. Далее Аверинцев рассматривает и жанр канона.

Также Сергей Сергеевич использует и термин структура в этой главе не менее шести раз. Он говорит о структуре идеологии, космологии, структуре текста.

Интересно размышление Аверинцева о таком жанре, как кондак, и о причине его непопулярности в Византии. Современный церковный человек привык, что кондак – это коротенькая молитва, в которой поэтически кратко излагается суть празднуемого события. Однако Аверинцев показывает, что изначально жанр кондака предполагал создание целой поэмы, в которой есть динамика, развитие, эмоциональный фон и диалоги. Сергей Сергеевич обращает внимание на то, что святой Роман Сладкопевец в свое время был известен именно благодаря написанным им кондакам. Но в церковной традиции ни один из них не сохранился. Аверинцев пишет о том, что если поэмы-кондаки, будучи повествованием в диалогах, предварялось текстом медитации-размышления о высшей сути самого события, то христианская традиция сохранила только эти размышления без самого повествования. В этом Сергей Сергеевич видит проявление кризиса христианского историзма и торжество александрийской школы с ее стремлением видеть высший, вневременной и надвременной духовный смысл. Эту идею Аверинцев подкрепляет и сравнением ареопагитского корпуса с трактатом блаженного Августина «О граде Божием». Тексты ареопагитского корпуса рассматривают Церковь не в

исторической перспективе, а скорее в идеальном аспекте (Аверинцев в этой главе пишет о том, что неоплатонизм с его учением об идеальном мире был очень удобен для выражения своего учения византийскими богословами и проповедниками). Аверинцев показывает, что в ареопагитском корпусе Церковь изображена как статичная структура, иерархия ангелов и людей.

Анализируя жанр канона, Аверинцев обращается и к такому автору ранневизантийского периода, как святитель Андрей Критский. Великий канон этого святого отца является ярким примером продолжения александрийской богословской традиции. Святой отец не излагает событий Священной истории, он просто кратко упоминает их (в этом отсутствие историзма) и далее глубоко размышляет о духовной сути этих событий, делая их образами-иносказаниями о нравственной-духовной трагедии человека, побежденного грехами.

Аверинцев указывает авторов, на творчество которых оказала влияние философия ареопагитского корпуса, это преподобный Максим Исповедник и святитель Григорий Палама.

В главе «Знак, знамя, знамение» С. С. Аверинцев преимущественно семиотически рассматривает ранневизантийскую культуру, он даже непосредственно употребляет термин «семиотик». И для решения этой задачи Сергей Сергеевич также применяет семиотический метод в изучении текстов этого периода. Он анализирует тексты историка Аммиана Марцеллина (330–400-е гг. от Р.Х.). Аверинцев указывает образы, которые использовал Марцеллин для описания поведения императора и их значение. Образы эти призваны подчеркнуть семиотику фигуры царя – он является знаком-образом Царя Небесного, Бога. Именно потому, что император – не Бог, он является знаком Бога. Согласно текстам Марцеллина, государь во время официальных мероприятий держал себя так, чтобы не проявлять ничего случайно-человеческого, то напоминая актера, то скульптурное изваяние – ничего лишнего. Жесты или поза подчеркивают его роль знака, семиотическую природу. С. С. Аверинцев употребляет термин «знак» неоднократно при анализе этого свидетельства Марцеллина, также он использует характерный для семиотики термин «репрезентация»: «Так и должен вести себя государь, которому внушено, что... он всего лишь грешный человек, но по своему сану (в семиотическом плане) репрезентирует трансцендентное величие Бога» [\[6, с. 122\]](#).

Обращаясь снова к наследию святого Романа Сладкопевца, Аверинцев выявляет семиотический принцип, которого придерживался он и его современники. Это метафорическое контрастное противопоставление знака и значения. Метафора, понятая буквально, всегда выглядит абсурдно именно благодаря своей контрастности, в которой читатель встречается с неожиданным сравнением. Радикальная инаковость, непохожесть образа подчеркивает то, что он всего лишь и именно знак, указывающий на иное бытие. Как показывает Аверинцев, у святого Романа Сладкопевца знаком искупительной Крови Христовой являются красные канцелярские чернила, которыми император пишет свой указ. Аверинцев подчеркивает неожиданность сравнения величественной Жертвы Христовой и канцелярского делопроизводства. Как далее он поясняет, этот прием был характерен для того периода. В текстах ареопагитского корпуса он используется часто, являясь одновременно формой применения богословского апофатического метода. Для того, чтобы говорить о Боге через отрицание, чтобы возвести ум в трансцендентному, вещи божественные сравниваются с самыми, если можно так сказать, низменными и прозаическими. «По объяснению Псевдо-Дионисия Ареопагита, резкие несоответствия между достоинством смысла и недостойнством знака нарочно допускаются, чтобы

напомнить о различии между знаком и означаемым» [\[6, с. 127\]](#). Надо заметить, что здесь Аверинцев следует августиновскому определению знака, согласно которому знак – это нечто, что вызывает в уме воспринимающего воспоминание о чем-то ином. А. Ф. Лосев, которого С. С. Аверинцев называл своим учителем, в труде «Знак. Символ. Миф» намекает на то, что современные ему представители семиотики часто используют термин «знак», исходя из разных определений, что мешает создать стройную теорию [\[7, с. 220\]](#). Большой интенционал термина «знак», о котором свидетельствует А. Ф. Лосев, неоднозначность его трактовки, наличие ряда понятий, соответствующих термину, существенно расширяет поле семиотического исследования, а также понимание сути самого семиотического метода.

Приводя тексты ареопагитского корпуса, Аверинцев обращает внимание, что в них заимствуется мистериальная терминология античности. Само слово «мистерия», «тайна, таинство», встречается в них часто. Характерным термином также является слово «мистагогия», «тайноводство». Аверинцев поясняет, что если форма, то есть само слово, знак, было заимствовано из языческой традиции, то содержание в контексте христианско-библейской традиции в этой форме уже совсем иное. Слово «тайна» отсылает к библейскому образу Церкви как воинства Христа Бога, которое не поведает Тайну Христову врагам Бога, то есть сохранит верность Богу и сбережет святыню. Эта тема подробно раскрывается в главе «Знак, знамя, знамение». Излагая смысл и коннотации упомянутых терминов в христианской традиции, Аверинцев называет их элементами, то есть рассматривает как структуру и определяет организующий их центр – это знак веры и верности Христу. Этот смысл доминирует над коннотацией секрета, сокрытого от непосвященных, и он важнее, чем функция психофизического воздействия на человека.

В главе «Мир как загадка и разгадка» Аверинцев рассматривает соотношение плана содержания и плана выражения в текстах Нонна Панополитанского (V в. от Р.Х.) и ареопагитского корпуса, изучая структуры данных знаковых систем с помощью филологического подхода.

Начинает Аверинцев с формы выражения. Он определяет и анализирует размер, которым написаны поэмы Нонна, затем метрику и далее лексику. Когда Аверинцев пишет о размере поэзии Нонна, он раскрывает семиотический аспект его применения конкретно этим поэтом, его индивидуальный творческий подход. Нонн пишет гекзаметром, традиционным для греческого эпоса. Основа гексаметра – противопоставление долгих и кратких слогов – сохраняется Нонном, однако такой стиль в рассматриваемый период уже был устаревшим. Поэтому использование Нонном такого традиционного размера в сочетании с современными языковыми тенденциями, как пишет Аверинцев, подчеркивает его кажущуюся неуместную архаичность и превращает гекзаметр Нонна в **условный знак**: «...простейшие элементы художественного целого, начиная с традиционного гексаметра, выходят из равенства себе и превращаются в условные знаки самих себя... Именно «оживление» гексаметра сигнализирует о том, что это размер мертвый» [\[6, 143\]](#). Далее Сергей Сергеевич подробно описывает, как Нонн и автор ареопагитского корпуса используют множество слов так, чтобы показать неспособность этих слов адекватно выразить действительность, подчеркнуть неизреченность и невыразимость Божественных Тайн, что соответствует апофатическому методу в теологии и доказательству от противного в логике. И кажущееся неуместным и вычурным, как пишет Аверинцев, манерным, использование гексаметра также служит этой цели. Избирается форма выражения принципиально противоположная плану содержания.

Анализируя лексику Нонна, Аверинцев обращает внимание на цель использования поэтом слов, что является применением функционального метода семиотики, изучением функции знака в моделирующей системе. «Слова как бы уничтожаются в акте исполнения ими своей функции» [6, с. 146]. Эта цель не исчерпывается подчеркиванием отличия слова от описываемой реальности и/или её невыразимости, так как такое обнажение несостоятельности знака, его пустоты, непригодности порождает в сознании читателя особую реакцию, слово-знак воздействует на читателя. Такой анализ воздействия знака на сознание воспринимающего соответствует такому разделу семиотики как прагматика [8, с. 44] согласно терминологии Чарльза Морриса (1901–1978). Реакция сознания на воспринятый знак в семиотике называется интерпретантой. Хотя именно эти термины Аверинцев не использует, раскрывает он именно эти механизмы. «... у Нонна свои цели, и для этих целей ему мало одной метафоры... Чем изобильнее нагромождены метафоры, тем отчетливее ощущается это неприкосновенное пространство между ними. Конечно, такой путь приводит... к навязчиво гипнотизирующим тавтологиям» [6, с. 144]. О том же пишет Аверинцев, рассматривая ареопагитский корпус: ««Свет», который есть «мрак», и «мрак», который есть «свет», - это... всей силой гипнотизирующих повторов, тавтологий и прочих эмоциональных раздражителей *навязанная воображению невообразимость*, внедренное в психику человека противоречие, которое призвано «преобразить» эту психику».

Применение Аверинцевым семиотического метода проявляется также в общей оценке ранневизантийской поэтики в том, что он выявляет общую структуру «христианского парадоксализма», которая конституирует литературу этого периода. Сергей Сергеевич не в первый раз использует сам термин «структура», при этом выявляя характерный знак-слово для данной структуры - то *παράδοξον* («неимоверное, преславное») [6, с. 151], обращаясь при этом к знаменитому православному богослужебному тексту, рождественскому канону Космы Маюмского.

Хотя С. С. Аверинцев, по свидетельству покойного С. С. Хоружего, не был структуралистом и не был представителем тартуско-московской семиотической школы, однако его разбор поэзии Нонна отчасти характеризуется применением схожих методов. Так же, как Ю. М. Лотман обращал внимание на соотношение формы стихотворения А. С. Пушкина «Вновь я посетил...» [9, с. 64] с его содержанием (отсутствие рифмы) и контекстом использования такого приема в современной Пушкину русской литературе, С. С. Аверинцев обращает внимание на форму поэмы Нонна (гекзаметр), на особую архаичную гомеровскую лексику, и так же, как Ю. М. Лотман, на контекст употребления такого размера и таких словосочетаний в эпохе, современной Нонну и содержанием текста. С. С. Аверинцев пишет, что контраст, создающийся сочетанием античной формы, которая раньше использовалась для передачи языческого содержания, и евангельской сердцевинной фабулы его произведения, порождает рознь «между самостоятельным и контекстуальным значением» языковых единиц и их сочетаний. Один и тот же знак, слово, отсылают к противоположным значениям и смыслам в разных контекстах. Такое оригинальное сочетание формы и содержания изменяют их, «то и другое оказывается преобразованным во взаимном противоборстве» [6, с. 153]. В приводимом Аверинцевым отрывке поэмы Нонна речь не идет об искажении христианской веры в ней. Как сам Аверинцев и комментирует этот текст, своеобразный литературный стиль Нонна подчеркивает материальность, чувственную осязаемость евангельских событий, в то время как евангелисты в основном описывают только самую их суть без излишних подробностей.

	Знак (репрезентатив)	Объект	Значение («основа»)
1	το καλόν	прекрасное/доброе	эстетика / этика, онтология
2	глагол «быть», имя «Сущий»	Истинное Благо (Бог) / глагол- связка	Бытие
3	образ человека	Христос: раб / царский сын, Бог (образ Божий)	достоинство/унижение
4	царь земной	Царь Небесный, Бог	величие, власть
5	канцелярские чернила	Кровь Христова	Искупление, страдание, помилование
6	μυστήρια (мистерия, таинство, тайна)	вера и верность	Церковь, воинство Христово
7	гекзаметр в поэмах Нонна	Невыразимость	невыразимость, вычурность, мертвость, трансцендентное
8	το παράδοξον	неимоверное, парадоксальное	парадокс
9	ἐνανθρώπιμός	вочеловечение, воплощение Бога	достоинство человека, христианство
10	тело человека	достоинство человека, аристократичность/ страдание, рабство	достоинство и унижение
11	отождествление Света и мрака	Бог	невообразимость, противоречие, трансцендентное

Поскольку С. С. Аверинцев исследовал поэтику ранневизантийской литературы, а она непосредственно связана с поэтикой культуры Византии и описывает её, то в своих трудах, посвященных этой теме, Аверинцев применял семиотический метод к культурным явлениям этого периода, а не только к текстам. Можно сказать, как пишет Г. Г. Квитков [\[10\]](#), что в этом проявлялся его целостный, холический подход к культуре, однако для изучения её он использует именно семиотический метод. Семиотический метод как более общая и универсальная методика включает в себя на более частном текстуальном уровне филологическую составляющую. Как пишет Н. Б. Мечковская, «у семиотики нет объекта, который не рассматривался бы в других областях знания». Специфика же данной науки заключается в том, что «исследователь-семиотик всегда выходит за границы одной знаковой системы: сопоставление разных семиотик... оказывается основным методом для выяснения сущности своеобразия прямого объекта в конкретном исследовании» [\[8, с. 36-37\]](#), что и делает С. С. Аверинцев практически во всех своих работах, сопоставляя контексты использования одного и того же образа в разных

культурах. Это ярко демонстрируется в его анализе поэтики Нонна Панополитанского и ареопагитского корпуса.

В этой статье были выделены и конкретизированы специфически семиотические черты методики Аверинцева. Сергей Сергеевич в своих исследованиях с разной степенью интенсивности использует термины «семиотика», «знак», «знаковая система», «структура», «контекст», «репрезентация», «значение», понятие «функция слова» которые характерны для семиотики как науки. У Аверинцева нет работ, в которых бы он брал какой-либо один текст ранневизантийского периода, и применяя семиотический метод, подробно разбирал бы конкретно этот один текст по частям на протяжении всей статьи или книги. Однако С. С. Аверинцев применяет семиотический метод, чтобы осмыслить совокупность текстов указанного периода, в которых преимущественно и отразились культурные тенденции, в их соотносительности друг с другом, то есть, в контексте. Как было показано в данной работе, Сергей Сергеевич обильно цитирует тексты ранневизантийского периода и раскрывает их содержание, старается вникнуть в их смысл именно с помощью семиотического метода.

Исследуя культуру Византии с помощью семиотического метода, С. С. Аверинцев затрагивает философско-мировоззренческие темы. Он касается таких философских понятий и тем как бытие, онтология, антропология, благо, трансцендентное, инаковость, смысл. Неотъемлемой частью семиозиса является смысл. Знаковые системы, в которых культура выражает себя, отражают имевшие место мировоззренческие системы, религиозные и философские направления, которые существенным образом определяли жизнь как отдельного человека, так и социума в целом. Вне зависимости от того, как решается проблема соотношения бытия и сознания (что традиционно является философской проблемой), сам факт их взаимосвязи выражается именно в знаке и знаковых системах, то есть семиотически. Яркий пример – рассмотренные выше размышления С. С. Аверинцева о том, как христианские богословы использовали категориальный аппарат античной философии для выражения смысла Библейской традиции, в частности, как интерпретировать имя Бога. Аверинцев показывает, что христианская Церковь сочла возможным соотнести это Имя с концептом Бытия, понятого как Благо. Однако здесь же проявляется и ограниченность возможностей семиотического инструментария. Любой знак как языковая единица определенной системы, имеет свой ограниченный экстенционал смыслов. В данном случае, когда еврейское слово, имя Бога «Яхве» было переведено на греческий язык причастием $\omega\upsilon$, а на русский – «Сущий», теряется определенный оттенок изначального смысла. Латинский перевод данного имени (Ego sum Qui sum – Я есть Тот, Кто Я есть) отражает иной смысловой оттенок, это скорее уход от положительного ответа на вопрос, на что обращает внимание, в частности, Йозеф Ратцингер [\[11, с. 102\]](#).

Отсюда видно, что с одной стороны знак выражает философские смыслы, именно с его помощью создается та или иная картина мира, однако ограниченная природа знака обуславливает проблему адекватного перевода смысла из одной знаковой системы в другую. Трудность здесь заключается в том, что при переводе может быть утеряна существенная часть понятия, смысл может быть обеднен.

Семиотический анализ византийской культуры, который осуществляет Аверинцев, эксплицирует проблему соотношения бытия общества со знаковым универсумом. Самое Бытие – это философский концепт. Именно в трудах Аверинцева по ранневизантийской литературе мы видим, как смыслы влияют на знаки и жизнь социума, и в то же время, как сами знаки создают новые смыслы.

Изучение текстов С. С. Аверинцева по ранневизантийской литературе показало, что христианская метафизика предполагает такой взгляд на человека и общество, при котором человек мыслится как существо, обладающее высшей ценностью и достоинством в сотворенном мире в глазах Бога, однако такое высокое положение человек может сохранить только с помощью Божественной Благодати во Христе. Получает человек эту Благодать именно через Церковь как общество христиан, включенное в установленную Богом иерархию единства небесного и земного.

Библиография

1. Сedaкова О.А. Слово Аверинцева // Континент. – 2004.-№119
2. Биbihин В.В. Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев – М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. – 416 с.
3. Дворникова Е.И. Культура как базис формирования культурной идентичности и толерантной личности в процессе изучения гуманитарных дисциплин: Монография. – СПб.: Наука, САГА, 2009. – 400 с.
4. Фадеева И.Е., Сулимов В.А. Семиозис: Субъективная антропология символической реальности / И.Е. Фадеева, В.А. Сулимов. – СПб.: Издательство «Астерион», 2013. – 252 с.
5. Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. Том 11, Книга 1. Издание С.-Петербургской Духовной Академии, 1905. С.356-469.
6. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М.: «Coda», 1997. – 343 с.
7. Лосев А.Ф. ЗНАК. СИМВОЛ. МИФ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 480 с.
8. Мечковская Н.Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура: Курс лекций, учеб. пособие для студ. филол., лингв., и переводовед. фак. высш. учеб. заведений / Н.Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М. Издательский центр «Академия», 2007. – 432 с.
9. Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: «Гнозис», 1994. – 560 с.
10. Квитков Г.Г. Некоторые методологические аспекты работ С.С. Аверинцева // Вестник Томского государственного университета. 2013. №372. С.110-113
11. Ратцингер, Йозеф. Введение в христианство: лекции об апостольском символе веры. Москва: Культурный центр "Духовная библиотека", 2006 (М.: Типография "Наука") – 301 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования представленной статьи – семиотический метод С.С. Аверинцева. Автор замечает, что семиотический аспект работ Аверинцева исследован слабо, а научные тексты, посвященные семиотическому методу в трудах отечественного мыслителя отсутствуют. В работе происходит обращение к ранневизантийской литературе с целью демонстрации принадлежности семиотической методики Аверинцева к социально-философскому полю.

Методология исследования заключается в репродукции взглядов Аверинцева имеющих отношение к применению семиотического метода к социальным исследованиям.

Актуальность работы связана с недостаточной изученностью методологии, разрабатываемой и применяемой философом в своих трудах.

Научная новизна заключается в трактовке семиотических установок философии Аверенцева как методологии социально-философского исследования. Автор статьи видит в использовании Аверенцевым в своих работах терминов «семиотика», «знак», «знаковая система», «структура», «контекст», «репрезентация», «значение», понятие «функция слова» признаки обращения его к предметному полю семиотики как науки. Автор признает, что хотя у Аверинцева нет работ, в которых бы он брал какой-либо один текст ранневизантийского периода и последовательно применял бы к нему семиотический метод, тем не менее, философ активно цитирует тексты ранневизантийского периода и раскрывает их содержание, старается вникнуть в их смысл именно с помощью семиотического метода.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи соответствует научному, однако текст в целом производит впечатление фрагмента более общей работы. Этим объяснимо и недостаточно подробно прописанное введение, без указания предмета и методологии исследования и некоторая сумбурность содержания статьи. С одной стороны, автор повторяет в своём тексте последовательность построения анализируемой работы Аверенцева, обильно цитирует тексты философа, с другой - обращается к самостоятельному анализу ранневизантийского материала, для того чтобы показать, что размышлений Аверенцева и методы его аналитики можно называть социально-философскими. Автор небезоснования заключает, что семиотический анализ византийской культуры, который осуществляет Аверинцев, эксплицирует проблему соотношения бытия общества со знаковым универсуму. Показывает, что именно в трудах Аверинцева по ранневизантийской литературе можно проследить, как смыслы влияют на знаки и жизнь социума, и в то же время, как сами знаки создают новые смыслы.

Библиография является наиболее слабым местом работы, кроме анализируемой в статье работы Аверенцева "Поэтика ранневизантийской литературы", в библиографию входит 10 наименований, которые не отражают весь спектр трудов, посвященных творчеству отечественного мыслителя.

Апелляция к оппонентам практически отсутствует, кроме первого абзаца статьи, в котором автор утверждает, что заявленная тема не выступала объектом научного рассмотрения.

Выводы, интерес читательской аудитории. В заключении работы автор констатирует, что в ней были выделены и конкретизированы специфически семиотические черты методики Аверинцева, которые позволяют выявить в христианской метафизике социально-философский взгляд на человека и общество.

Статья представляет интерес для исследователей отечественной семиотической традиции и творчества Аверенцева и может быть рекомендованна к публикации.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Богданова В.О. — Философский подход к изучению практик самопознания // Философская мысль. – 2023. – № 1. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.1.36363 EDN: AYVRKG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36363

Философский подход к изучению практик самопознания

Богданова Вероника Олеговна

кандидат философских наук

доцент, ФГАОУ ВО "Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)"

454080, Россия, Челябинская область, г. Челябинск, ул. Ленина, 76, ауд. 434

✉ verovictory@mail.ru

[Статья из рубрики "Самосознание и идентификация"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2023.1.36363

EDN:

AYVRKG

Дата направления статьи в редакцию:

28-08-2021

Аннотация: Предметом исследования являются практики самопознания, используемые в философии и психотерапии. Богатый арсенал методов самопознания можно объединить в две группы практик: трансцендентально-феноменологические и экзистенциально-феноменологические. Первые практики способствуют очищению сознания от отработанных мыслительных, поведенческих схем, вторые – направлены на конструирование «Я» в соответствии с выбранными культурными концептами. Целью исследования является определение основных принципов практик самопознания и раскрытие их потенциала в исследовании и конструировании «Я». Исследование строится на феноменологическом, нарративном и экзистенциальном подходах, которые раскрывают функциональные отношения субъекта с внешним миром. В статье дается развернутое описание основных принципов трансцендентально-феноменологических и экзистенциально-феноменологических практик самопознания, дается оценка потенциала данных практик для раскрытия и становления «Я» субъекта. Главный принцип работы трансцендентально-феноменологических практик самопознания – движение к чистому потоку переживаний сознания, которые составляют ядро «Я». Их мировоззренческой основой является интуитивное переживание собственного «Я» в состоянии «раскрепощенного» сознания. Экзистенциально-феноменологические практики осуществляются через оформление и проговаривания опыта личных переживаний в

рамках выбранных культурных смыслов. Суть данных практик сводится к прояснению самобытия путем подбора фиксированных форм для описания экзистенции, которые устанавливают границы «Я». Представленные практики эффективно дополняют друг друга, с помощью трансцендентально-феноменологических практик индивид выходит за пределы объективированных представлений о самом себе, посредством экзистенциально-феноменологических практик осуществляет самоидентификацию.

Ключевые слова:

практики самопознания, Я, Эго-идентичность, феноменологическая редукция, экзистенция, рефлексия, нарратив, медитация, дыхательные техники, личностный конструкт

В связи с непрерывными изменениями информационного, социокультурного пространства актуализируется проблема поиск своего «Я», которая выступает как защитная реакция человека на жизнь в неопределенных условиях. Современный человек вынужден существовать в многослойном и антиномичном контексте бытия, где постоянно обновляющиеся культурные образцы вступают в противоречие с содержанием жизненного опыта человека [\[19\]](#). Высокая социальная динамика требует от человека подбора новые ценностей, иных способов «вписывания» себя в изменившееся социокультурное пространство. Если человек не умеет быстро отвечать на вызовы бытия изменением структуры «Я», то это приводит к острому мировоззренческому конфликту, который оборачивается экзистенциальным кризисом. На место целостности и полноты личности приходит ее фрагментация и ценностная дезориентация. Человек погружается в состояние тревоги, отчаяния и страха, его не покидает чувство глубокого психологического дискомфорта. Преодоление данного экзистенциального кризиса является одной из актуальных проблем современного человека, решение которой возможно через осуществление ценностного и культурного самоопределения личности посредством философской саморефлексии. В своем исследовании мы исходим из мысли Эриксона, что человек должен пребывать на границе постоянства и изменения себя [\[18, p. 232\]](#). Новые элементы «Я» должны быть интегрированы в уже имеющуюся структуру, старые неадаптивные элементы должны отбрасываться. Следовательно, необходимо подобрать такие *инструменты, которые с одной стороны позволят человеку сохранить ядро «Я» или эго-идентичности, с другой стороны придадут необходимую гибкость для осмысления и преобразования самого себя и собственного бытия.* В качестве инструментов могут выступать трансцендентально-феноменологические и экзистенциально-феноменологические практики самопознания и самотрансформации, используемые в философии и психотерапии. Целью исследования является раскрытие и обоснование потенциала данных практик.

В истории развития культуры можно обнаружить разнообразные практики самопознания, представляющие собой духовные упражнения, которые направлены на погружения человека в глубины своего «Я» с целью прояснения его содержания и определения последующего развития. В основе практик самопознания лежат две традиции: восточная и западная. Согласно восточной традиции человек стремится слиться миром, подчинить себя сверхличному, при этом отказываясь от «Эго». Человек западной традиции в процессе самопознания укрепляет свое «Я» путем самоопределения и самореализации. Западная и восточная традиция порождают разные духовные техники самопознания и самотрансформации. В рамках восточной традиции, как правило, применяются

медитативные техники, направленные на внутреннюю концентрацию, позволяющую выйти в область духовного и слиться с ней. В западной традиции в основе техник самопознания и трансформации лежит рефлексия.

В современном движении философской практики можно обнаружить принципы и техники самопознания, характерные как для восточной, так и для западной традиции. С.В. Борисов в своем исследовании философской практики выделяет два концептуальных подхода: терапевтический и развивающий [3, с. 98]. Философские практики в рамках терапевтического подхода помогают человеку разобраться с экзистенциальными проблемами, выбрать подходящие идейные, ценностные опоры для построения целостной картины мира. В рамках этого подхода могут применяться техники самопознания, способствующие обнаружению жестких паттернов чувств, мыслей, поступков, которые отделяют индивида от самого себя и полноценного проживания своей жизни. Это могут быть духовные упражнения восточной философии, и их адаптированные варианты для человека западного стиля мышления. К терапевтическому подходу можно отнести философское консультирование Г. Ахенбаха [14], Л. Маринофа [21], глубинную философию Р. Лахава [16].

«Развивающий подход» направлен на формирование и совершенствование навыка критического мышления, который необходим для определения состоятельности представлений о самом себе и построения непротиворечивого, целостного мировоззрения. В основе развивающего подхода положен принцип примирения человека с собственной речью через рефлексивный анализ высказываний для обнаружения скрытых мыслей [16, 232]. Развивающий подход укладывается в русло западной традиции, поскольку базируется на рефлексии. К развивающему подходу относится философское консультирование О. Бренифье [4], метод сократического диалога А.И. Макарова [7], методика развития разумного мышления Н.С. Юлиной [13].

Несмотря на то, что проблема самопознания являлась предметом пристального внимания философов древности и продолжает оставаться актуальной для современных философов-практиков и психотерапевтов, она остается мало разработанной в теоретическом и практическом аспектах. Представленные классификации практик самопознания рассматриваются изолированно, независимо друг от друга. В своем исследовании мы проведем сравнительно-исторический анализ философских и психотерапевтических методов самопознания, объединим их в две группы практик: трансцендентально-феноменологические и экзистенциально-феноменологические. Преимущественной особенностью данной классификации будет не только возможность обобщения накопленного теоретического материала, но раскрытие взаимосвязи практик самопознания в процессе проживания субъектом своего опыта.

Статья посвящена обобщению и систематизации методов самопознания, используемых в философских и психотерапевтических практиках. Проводимое исследование даст возможность определить основные принципы практик самопознания, позволит раскрыть их потенциал в исследовании и конструировании «Я». В качестве методологической базы будут использованы феноменологический, нарративный и экзистенциальный подходы, раскрывающие функциональные отношения субъекта с внешним миром.

Результат

Основные принципы и потенциал трансцендентально-феноменологических практик самопознания

Трансцендентально-феноменологические практики самопознание направлены на расширение сознания. Они осуществляются за счет радикальной трансцендентальной редукции, выносящей за скобки все эмпирические компоненты, открывающей чистое сознание [\[5, с. 85\]](#). Трансцендентально-феноменологическое самопознание реализуется в восточных и западных практиках, цель которых заключается в движении к чистому потоку переживаний сознания, составляющих ядро «Я». Мировоззренческой основой данных практик является осознание невозможности понятийного выражения «Я», которое переживается интуитивно в состоянии «раскрепощенного» сознания, когда с сознанием «разговаривает» бессознательное [\[15\]](#). Первостепенным в данных практиках является обнаружение и удаление психологических барьеров, которые не позволяют почувствовать себя в потоке сознания. В качестве примеров практик самопознания могут быть рассмотрены духовно-медитативные, дыхательные и телесные техники.

Духовно-медитативные практики (анапанасати, випассана, дзадзен, трансцендентальная медитация) базируются на принципе «приостановки суждений», благодаря осуществлению которого человек освобождается от стереотипов индивидуального и социокультурного опыта и расширяет сознание. Духовно-медитативные практики вводят человека в состояние «умственной паузы», в результате которого он преодолевает ограничения и негибкость формальной логики, прислушается к своему подсознанию [\[9, с. 231\]](#). Находясь в социокультурных рамках, человек не всегда слышит сигналы от своего подсознания, которое рассказывает ему о его подлинном «Я». Медитация позволяет «наладить общение» между сознанием и подсознанием, помогает осознать и принять свой внутренний опыт [\[8, с. 34\]](#).

Дыхательные практики являются важной частью восточной традиции. Они представляют собой техники осознанного управления дыханием через изменения частоты и глубины вдоха-выдоха. Во время дыхательных практик активизируются нервные структуры, отвечающие за бессознательную часть психики, эмоциональные процессы и долговременную память. Человек входит в состояние измененного сознания, которое дает возможность пережить заново то, что вытеснено в подсознании. Современные дыхательные психотехники (вайвейшн, свободное дыхание, ребёфинг и холотропное дыхание) используют опыт восточной традиции.

Телесные практики опираются на принцип единства тела и духовно-психической сферы человека. Все неосмысленные эмоции, травмирующие воспоминания, подавленные чувства запечатлеваются в теле, поскольку включаются физиологические механизмы психологической защиты. Преодолеть эти механизмы возможно, используя принцип обратной связи: изменение психологического состояния посредством работы с телом. К телесным практикам можно отнести восточные техники (йога, бикрам-йога, цигун и др.), которые послужили прочной основой телесно-ориентированной психологии и психотерапии (биоэнергетического психоанализа А. Лоуэна [\[6\]](#), биодинамики Л. Марчер, метода «чувственного осознания» (sensory awareness) Ш. Селвер, первичной терапии А. Янова и др.)

Трансцендентально-феноменологические практики самопознания являются весьма эффективными, поскольку они воздействуют на психику человека, ускользая от «цензуры» сознания. Практики работают на бессознательном уровне через обращение к телесному опыту, который помогает человеку вернуть контакт с собой. Они позволяют проработать подавленные эмоции, освободиться от негативных психологических и телесных привычек, убрать психологические блоки, мешающие нормальной

жизнедеятельности.

Трансцендентально-феноменологический подход расширяет границы сознания, дает возможность человеку «сделаться пустым», т.е. стать открытым для восприятия мира. С помощью данных практик человек постигает откровение, которое можно выразить фразой «Я есть» – это то состояние, которое необходимо принять иначе невозможно дальнейшее продвижение в самопознании. Следует отметить, что эти практики не являются самоцелью, они служат подготовительной ступенью самопознания. Они работают только в тандеме с экзистенциально-феноменологическими практиками. Очистив сознание от «отработанных» мыслительных, эмоциональных, поведенческих схем, необходимо перейти к экзистенциально-феноменологическим практикам, с помощью которых происходит конструирование «Я».

Основные принципы и потенциал экзистенциально-феноменологических практик самопознание

Экзистенциально-феноменологические практики направлены на познание феноменального бытия «Я», которое обнаруживает свою сущность через свое существование. «Я» есть не что иное, как ряд связанных между собой проявлений существования [\[10, с. 33\]](#).

Экзистенциально-феноменологические практики позволяют понять опыт личных переживаний через его оформление и проговаривание в рамках выбранных культурных смыслов. Поскольку экзистенция человека имеет процессуальный модус, ее можно представить, как непрерывный поток становления. В этом потоке субъект стремится к определенности. Он к ней приближается, проясняя самобытие, путем подбора фиксированных форм для описания проявлений собственной экзистенции, которые устанавливают границы «Я» [\[11, с. 99-100\]](#). Этим актом он существенно обедняет содержание «Я», однако, не находя подтверждение своего бытия через концептуализацию, человек испытывает экзистенциальную тревогу, ощущает абсурдность существования.

Экзистенциально-феноменологические практики самопознания позволяют достигать необходимого баланса, они обращаются к переживаниям опыта конкретного индивида, как к материалу для интерпретации. Сама интерпретация определяется исходя из мировоззренческих представлений и духовных, интеллектуальных, эмоциональных потребностей человека.

Целью экзистенциально-феноменологических практик является фокусировка сознания на непосредственном опыте, который открывается при взаимодействии с миром. Данные практики работают с субъектностью человека в контексте реальности. Они опираются на психологическую и эйдетическую редукции, благодаря которым человек полнее осознает собственные мысли, чувства, телесность, самостоятельно обнаруживает ограничения существования и находит для него новые ресурсы.

С помощью психологической редукции устанавливается граница между психической жизнью индивида и внешним миром, осуществляется эпохе, исключаящие все «автоматические» суждения относительно действительности. В интерпретации опыта сознание освобождается от объективирующей позиции.

Сосредотачиваясь на переживаниях, субъект переходит к эйдетической редукции – к сущностному усмотрению феноменов. Здесь используется метод идеации, с помощью которого индивид отвлекается от частных форм, чтобы исследовать априорные формы

явлений. В потоке восприятий внутреннего опыта субъектом выявляются неизменные структуры, без усмотрения которых не может быть понято ни одно восприятие. Таким образом, если психологическая редукция обнажает феномены актуального внутреннего опыта, то эйдетическая редукция схватывает сущностные формы психического бытия [\[5\]](#).

Экзистенциально-феноменологические практики помогают познать субъекту себя на двух уровнях. Сначала он обращается к собственному опыту переживаний через отказ от объективирующей «позиции» по поводу отдельных феноменов, достигая целостной структуры душевной жизни. Затем он осуществляет фиксацию, постижение и описание многообразных явлений, которые выступают уже не в качестве объектов, а в качестве единиц смысла. Сначала описывается акт переживаний (поэтическое описание), затем следует описание «того, что пережито» (ноэматическое описание). Пережитое интерпретируется уже исходя из обнаруженных универсальных смыслов, которые заложены в сознание субъекта.

Экзистенциально-феноменологические практики самопознания направлены на преодоление конфронтации человека с предельными данностями бытия: смертью, свободой, ответственностью, изоляцией, бессмысленностью. Преодоление конфронтации с бытием – это акт осмысления собственного существования и осознание своей ответственности, которая напрямую связана с реализацией творческого потенциала личности в настоящем. Бегство от свободы и ответственности дает человеку ощущение мнимой безопасности и приводит к личностной стагнации. В качестве способа выхода из личностной стагнации И. Ялом предлагает технику, которая имеет большой терапевтический потенциал. Она направлена на примирение с конечностью собственного бытия, самопознание и повышение модуса существования. Техника служит своеобразным «мотиватором» для личностных изменений, она помогает человеку через осознание своей конечности преодолеть тревогу, социальные страхи, мешающие самораскрытию и проявлению «Я».

Суть техники состоит в том, что человека просят написать собственный некролог или заполнить анкету с вопросами, которые касаются тревоги, связанной со смертью. Можно предложить человеку пофантазировать на тему своей смерти, воображая «где», «когда» и «как» она произойдет, как пройдут его похороны [\[22\]](#). Эта техника позволяет понять, чего человеку не хватает в жизни, прояснить его личностные смыслы. Человек определяет надежные ориентиры для личностного роста, самосовершенствования, самоактуализации, что является необходимым условием достижения счастья и полноты жизни.

Следующая практика самопознания, используемая в экзистенциально-феноменологическом подходе, которая первоначально применялась в теории психосинтеза Р. Ассаджоли и была несколько изменена И. Яломом, создает возможности для глубокого самопознания личности. Суть методики психосинтеза заключается в освобождении от иллюзорных представлений о своем «Я» [\[1, с. 101\]](#). И. Ялом предлагает следующую вариацию практики психосинтеза, называя ее упражнением по «растождествлению». «Растождествление» – это выход человека за пределы объективированных представлений о себе через погружение в опыт переживаний. Участникам практики дается задание написать на отдельных карточках восемь ответов на вопрос: «Кто я?». Затем им предлагается *расположить свои ответы в порядке значимости и центральности*: ответы ближайшие к центру их существа поместить вниз, более периферические для них – разместить выше от центра. После участникам предлагается сосредоточить свое внимание на самой верхней карточке и поразмышлять о том, как бы

они себя чувствовали, отказавшись от этого атрибута. Через две-три минуты подается мягкий сигнал, участники переходят к следующей карточке и проделывают точно такую же работу. Пока они мысленно не освободятся от всех восьми атрибутов. После проведенной работы по растождествлению осуществляется обратная процедура по интеграции качеств личности в центр «Я» [22]. Упражнение помогает индивиду достичь своего «центра чистого самосознания», представляя в воображении отсоединение от себя поочередно свои атрибуты (например, описания тела, эмоций, желаний, интеллекта). Оно ослабляет привязанность к отдельным характеристикам, делает человека более гибким, восприимчивым к бытию и готовым к самотрансформации.

Изучение феноменологического опыта для преобразования бытия является неотъемлемой чертой экзистенциально-феноменологических практик. В этом отношении нельзя не упомянуть нарративные методики, которые помогают человеку дать новое осмысление своему существованию и выбрать стратегии развития «Я». Они направлены на то, чтобы помочь человеку стать автором жизненной истории, осознав свою способность влиять на ход событий. Человек структурирует свое «Я» с помощью связывания воедино значимых фактов биографии. Таким образом, создается история о самом себе (нарратив) [17]. Нарратив – результат осмысления субъективной реальности и личной идентичности. Факты биографии создают лишь фактуру жизненного пути, но именно субъективное восприятие этих фактов, переживание и осмысление индивидуального опыта, служат основой мировоззрения и личной идентичности. Хотя человек не может изменить свое прошлое, он может использовать разные способы интерпретации жизненных историй, что приводит к изменению представлений о себе [12, с. 150]. Этот главный принцип нарративной психологии имеет большой терапевтический потенциал, он позволяет определить доминирующую историю, оценить ее влияние на саморазвитие. Если она является препятствием для развития личности, то начинается поиск альтернативного опыта, не включенного в жизненную историю человека. Консультант помогает человеку обнаружить альтернативный опыт посредством вопросов, направленных на развитие «хорошей» истории. Таким образом, основной формой работы в нарративном подходе является пересочинение истории, для этого выявляется положительный опыт, раскрывающий значимые стороны «Я». Человек начинает осознавать себя творцом жизни и приступает к выработке более адаптивных способов взаимодействия с миром. Созвучным нарративному подходу является концепция «личностных конструкторов» Дж. Келли. Личностный конструкт – это оценочная система, которая используется индивидом для классификации различных объектов и событий его жизненного пространства [20, р. 3-20]. Работа с личностными конструктами предполагает определение насколько сформировавшаяся оценочная система отвечает принципу адаптивности. Как только у личности исчезает чувство приспособленности к миру, она нуждается в замене данной конструкции на другую, которая будет отвечать определенной практической цели.

Заключение

Путь к пониманию собственного «Я», бытия открывается через овладение практиками самопознания, которые отличаются друг от друга по технике исполнения. В результате сравнительного анализа были выделены две группы практик самопознания: трансцендентально-феноменологические и экзистенциально-феноменологические. Трансцендентально-феноменологические практики открывают чистое сознание субъекта за счет использования радикальной трансцендентальной редукции. Экзистенциально-феноменологические практики ограничиваются психологической и эйдетической

редукциями, которые позволяют осуществить поворот от восприятия мира естественной установки к рассмотрению субъективных переживаний сознания, а затем от переживаний в их индивидуальности к усмотрению их сущности.

Экзистенциально-феноменологические практики самопознание приводят к пониманию индивидуального бытия-в-мире, трансцендентально-феноменологические имеют дело с сознанием максимально очищенным от каких-либо признаков индивидуальности и субъективности, открывают универсально бытийствующее сознание [\[11, с. 99-100\]](#).

Представленная классификация практик передает динамику процесса самопознания, полнее раскрывает становление «Я». Можно выделить несколько этапов самопознания, через которые проходит субъект в самоопределении и саморазвитии. *Первый этап* – это *первичное* самопознание, которое заключается в знакомстве человека с самим собой через интерпретации Другого. Полнота содержания представлений о «Я» будет зависеть от готовности человека полностью присутствовать в диалоге. Однако не всегда общение с другими достигает экзистенциального уровня, иногда оно ведет к отчуждению. Это происходит, когда субъект создает ложные образы «Я», удобные для выстраивания отношений с другими людьми. Создание ложных образов приводит к *кризису* самопознания. На этом этапе человек сталкивается с противоречивыми интерпретациями разных людей относительно его личности. Однако, человек – это не материал для интерпретаций на соответствие тем или иным готовым объяснительным моделям других людей. Душевная жизнь каждого человека неповторима и уникальна, ее интерпретацию необходимо проводить, исходя из ее собственных структур. На этом этапе лучше всего использовать трансцендентально-феноменологические практики самопознания, которые помогают человеку взглянуть на себя «с чистого листа», отказавшись от привычных установок, классифицирующих его душевное состояние. После освобождения сознания от объективированных представлений необходимо перейти к экзистенциально-феноменологическим практикам, с помощью которых происходит конструирование «Я». На этом этапе происходит *вторичное* самопознание. Человек выбирает *способы* самоопределения в поле культурных концептов, исходя из собственных жизненных ориентиров и представлений о том, какие образы «Я» сделают его жизнь полнее и богаче [\[11, с. 17\]](#). На данном этапе можно использовать экзистенциально-феноменологические практики самопознания и самотрансформации, конструирующие «Я», исходя из осмысления существования и осознания ответственности за него.

Таким образом, две группы практик самопознания и самотрансформации дополняют друг друга. Внутренняя жизнь субъекта проходит в бесконечной борьбе, которая выражается как проявление разнонаправленных стремлений. С одной стороны, субъект желает определить свою сущность, прийти к самоидентификации и для этого он может использовать экзистенциально-феноменологические практики. С другой – определив себя, он может прийти к осознанию ограниченности любых определений, и пожелает выйти за пределы данных характеристик, которые не способны в полной мере передать его бытие-в-мире. Выход за пределы объективированных представлений осуществляется с помощью трансцендентально-феноменологических практик.

Библиография

1. Ассаджоли Р. Психосинтез. Принципы и техники. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. 204 с.
2. Бинсвангер Л. Экзистенциальный анализ. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2016. 272 с.

3. Борисов С.В. Философская практика в современном мире: вызовы и ответы: монография. Челябинск: ЮУрГУ, 2019. 232 с.
4. Бренифье О. Искусство философской практики: философские установки // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 80-87.
5. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: «Наука», «Ювента», 1998. 315 с.
6. Лоуэн А. Биоэнергетический анализ: теория и практика. М.: Корвет, 2015. 413 с.
7. Макаров А.И. Социализирующая функция философских практик (на примере метода сократического диалога // Вестник Волгоградского государственного университета. 2012. № 3 (18). С. 121-125.
8. Минделл Э. Кома: путешествие исцеления. М.: Ганга, 2019. 496 с.
9. Сандомирский, М.Е. Защита от стресса. Физиологически-ориентированный подход к решению психологических проблем (Метод РЕТРИ). М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. 336 с.
10. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ Москва, 2015. 928 с.
11. Трунов Д.Г. Введение в феноменологию самопознания: монография. Пермь: Пермский государственный университет, 2008. 255 с.
12. Труфанова Е.О. Я как реальность и как конструкция // Вопросы философии. 2017. № 8. С.100 – 112.
13. Юлина Н.С. Обучение разумности и демократии: педагогическая стратегия «Философия для детей» // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 166-172.
14. Achenbach G.B. Philosophische Praxis. Vorträge u. Aufsätze. Köln : Dinter, 1984, 190 p.
15. Bogdanova V.O. Phenomenology of reduction of consciousness: comparativist approach // SHS Web of Conferences: International Scientific Conference: Achievements and Perspectives of Philosophical Studies. 2019. № 72. [Электронный ресурс]. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2019/13/shsconf_appsconf2019_03045/shsconf_appsconf2019_03045.html [дата обращения 28.08.2021].
16. Borisov S. What is Recollection? The Deep Philosophy Group: History, Theory, Techniques. Ed. by R. Lahav. Hardwick, Vermont: Loyev Books, Pp. 94-102.
17. Botella L. Personal construct psychology, constructivism, and post-modern thought // Advances in Personal Construct Psychology. 1995. № 3. Pp. 3-36.
18. Erikson E. The problem of ego identity // Adolescent Identities: A Collection of Readings . 2013. Pp. 223-240.
19. Gladyshev V., Miliaeva E., Meniaeva M., Neveleva V. Yes-tradition and no-tradition in the reproduction of cultural forms and cultural identity in conditions of globalization // SHS Web of Conferences: International Scientific Conference: Achievements and Perspectives of Philosophical Studies. 2019. № 72. [Электронный ресурс]. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2019/13/shsconf_appsconf2019_03035/shsconf_appsconf2019_03035.html (дата обращения 28.08.2021)
20. Kelly G.A. (2005) A Brief Introduction to Personal Construct Theory / International Handbook of Personal Construct Psychology. 1996. Pp. 3-20.
21. Marinoff L. Philosophical practice. San Diego: Academic Press, 2002. 411 p.
22. Yalom I. Existenzielle Psychotherapie. Auflage. Bergisch Gladbach: Edition Humanistische Psychologie, 2005. 611 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия скрыта по просьбе автора

Англоязычные метаданные

From Cognitive Archaeology to a Theory of the Mind, Involved in the Material World. The Foundations of Lambros Malafouris' Material Engagement Theory

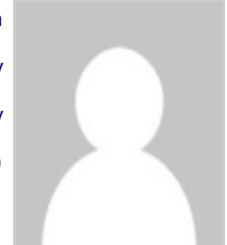
Tikhonov Anatolii Sergeevich

Doctor of Philosophy

Professor, Department of Humanities, Chuvash State Agrarian University

428000, Russia, Republic of Chuvashia, Cheboksary, K. Marx str., 29

✉ tihonov.1957@gmail.com

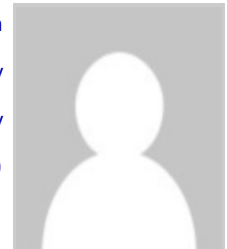
Semenov Vladimir Grigor'evich

Doctor of Biology

Professor, Department of Morphology, Obstetrics and Therapy, Chuvash State Agrarian University

42800, Russia, Republic of Chuvashia, Cheboksary, K. Marx str., 29

✉ semenov_v.g@list.ru

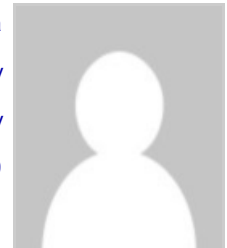
Mikhailova Renata Vasil'evna

Doctor of Philosophy

Professor, Department of Humanities, Chuvash State Agrarian University

42800, Russia, Republic of Chuvashia, Cheboksary, K. Marx str., 29

✉ kafood18@yandex.ru

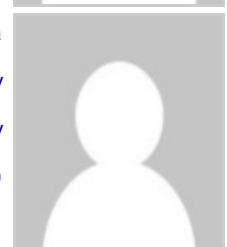
Agaeva Ekaterina Vasil'evna

PhD in History

Associate Professor, Department of Humanities, Chuvash State Agrarian University

428000, Russia, Republic of Chuvashia, Cheboksary, K. Marx str., 29

✉ ekagaeva@yandex.ru

Vorobev Dmitrii Nikolaevich

PhD in Philosophy

Senior Lecturer, iSpring Institute.

424000, Russia, Republic of Mari El, Yoshkar-Ola, Voznesenskaya str., 110

✉ vorobjov.d@gmail.com

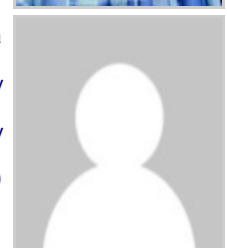
Ivanova Elena Nikolaevna

PhD in Philology

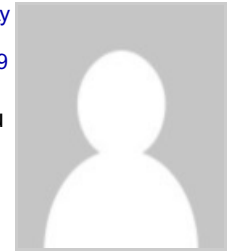
Associate Professor, Department of Humanities, Chuvash State Agrarian University

428000, Russia, Republic of Chuvashia, Cheboksary, K. Marx str., 29

✉ ien161110@mail.ru

Sergeeva Nadezhda Aleksandrovna

Abstract. The aim of the study is to uncover the conceptual foundations of Lambros Malafouris' Material Engagement Theory. In order to realise this aim, we have used comparative-historical and analytical-interpretative methods to explicate the genesis, basic assumptions and concepts of the theory. In particular, we have shown that the theory of mind development, involved in the material world, arises in the framework of Colin Renfrew's cognitive-processual archeology. Using evidence from material culture, its proponents attempt to answer the question of the emergence and development of human cognitive functions. To find an answer to the question, Malafouris uses the treatment of the mind as extended into the external world, applying the metaphor of creative dynamic co-evolution. Mind emerges and functions through an ongoing process of mutual enactment of embodied mind and material environment. To identify the specifics of this co-evolutionary treatment, we have explicated the key concepts of material engagement theory: metaplasticity, material agency and material-enactivating signification. They characterise the effects of the cognitive-material engagement process. The scientific significance lies in the fact that of the study contributes to understanding the heuristic potential of Material Engagement Theory, which is emerging within the research programme of embodied cognition.

Keywords: Material Engagement Theory, extended cognition, neuroarchaeology, cognitive science, material sign, signification, enactivism, embodied cognition, material agency, enactive sign

References (transliterated)

1. Asmolov A. G., Emelin G. D., Vlasova M. A., Falikman M. V. Psikhologiya i neiroarkheologiya: prostranstvo dialoga // Voprosy psikhologii. 2022. T. 68. № 1. S. 1–13.
2. Vakhshain, V. S. Vozvrashchenie material'nogo. «Prostranstva», «Seti», «Potoki» v aktorno-setevoi teorii // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2005. № 1. S. 94–115.
3. Vorob'ev, D. N. Filosofiya simvolicheskikh formatsii Ernsta Kassirera i enaktivizm: kontseptual'nye paralleli v ponimanii vzaimootnoshenii cheloveka i prirody // Dukhovnye osnovy otnoshenii chelovek – priroda: Materialy Vserossiiskoi (Natsional'noi) s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoi konferentsii, Cheboksary, 19–20 yanvarya 2022 goda / Chuvashskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet. Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet, 2022. S. 12–15.
4. Knyazeva, E. N. Enaktivizm: novaya forma konstruktivizma v epistemologii. M., SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; Universitetskaya kniga, 2014. 352 c.
5. Pinkus, M. Na Urale snyat rezhim ChS, vvedennyi posle padeniya meteorita // Rossiiskaya gazeta. 5 marta 2013. Data obrashcheniya: 9 avgusta 2022. <https://rg.ru/2013/03/05/reg-urfo/snialichs-anons.html>
6. Tikhonov, A. S. Printsip vzaimozavisimosti biologicheskogo i kul'turnogo v relyatsionno-kholisticheskikh kontseptsiyakh prirody cheloveka / A. S. Tikhonov, V. R. Petrov, N. A. Sergeeva // Dukhovnye osnovy otnoshenii chelovek – priroda: Materialy

- Vserossiiskoi (Natsional'noi) s mezhdunarodnym uchastiem nauchno-prakticheskoi konferentsii, Cheboksary, 19–20 yanvarya 2022 goda / Chuvashskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet. Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet, 2022. S. 66–70.
7. Falikman, M. V. Novaya volna Vygotskogo v kognitivnoi nauke: razum kak nezavershennyi proekt // Psikhologicheskie issledovaniya. 2017. T. 10. № 54. <https://doi.org/10.54359/ps.v10i54.361>
 8. Feigenberg, I. M. Chelovek Dostroennyi i biosfera // Voprosy filosofii. 2006. № 2. S. 150–161.
 9. Abraham, W. C. Metaplasticity: tuning synapses and networks for plasticity // Nature Reviews Neuroscience. 2008. Vol. 9. No. 5. P. 387–397.
 10. Adams F., Aizawa K. The bounds of cognition // Philosophical Psychology. 2001. Vol. 14. No.1. P. 43–64.
 11. Barandiaran X., Di Paolo E., Rohde M. Defining agency: Individuality, normativity, asymmetry, and spatio-temporality in action // Adaptive Behavior. 2009. Vol. 17. No. 5. P. 367–386.
 12. Chemero, A. Radical embodied cognitive science. Cambridge: MIT Press, 2009. 252 pp.
 13. Clark A., Chalmers D. The extended mind // Analysis. 1998. Vol. 58. No. 1. P. 7–19.
 14. Clark, A. Supersizing the mind: Embodiment, action, and cognitive extension. New York: Oxford University Press, 2008. 318 pp.
 15. Haugeland, J. The nature and plausibility of cognitivism // Behavioral and Brain Sciences. 1978. No.1. P. 215–226.
 16. Hutchins, E. Cognition in the wild. Cambridge: MIT Press, 1995. 402 pp.
 17. Hutchins, E. Enculturating the supersized mind // Philosophical Studies. 2011. No. 152. P. 437–446.
 18. Hutto D., Myin E. Radicalizing enactivism: Basic minds without content. Cambridge: MIT Press, 2013. 206 pp.
 19. Ihde D., Malafouris L. Homo faber Revisited: Postphenomenology and Material Engagement Theory // Philosophy & Technology. 2019. Vol. 32. P. 195–214.
 20. Ihde, D. Postphenomenology and Technoscience. The Peking University Lectures. Albany: State University of New York Press, 2009. 102 pp.
 21. Kaufman E. L., Lord M. W., Reese T. W., Volkman J. The discrimination of visual number // American Journal of Psychology. 1949. Vol. 62. No. 4. P. 498–525.
 22. Knappett C., Malafouris L. Material and Nonhuman Agency: An Introduction // Material Agency. Towards a Non-Anthropocentric Approach / C. Knappett, L. Malafouris (ed). Springer, 2008. P. IX–XIX.
 23. Latour, B. Reassembling the Social – An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford University Press, 2005. 300 pp.
 24. Malafouris, L. "Neuroarchaeology": exploring the links between neural and cultural plasticity // Progress in Brain Research. 2009. No.178. P. 253–261.
 25. Malafouris, L. At the Potter's Wheel: An Argument for Material Agency // Material Agency. Towards a Non-Anthropocentric Approach / Edited by C. Knappett and L. Malafouris. Springer, 2008. P. 19–36.
 26. Malafouris, L. Beads for a plastic mind: the 'Blind Man's Stick'(BMS) hypothesis and the active nature of material culture // Cambridge Archaeological Journal. 2008. Vol. 18. No 3. P. 401–414.
 27. Malafouris, L. Creative thinging: The feeling of and for clay // Pragmatics & Cognition.

2014. Vol. 22. No.1. P.140–158.
28. Malafouris, L. How things shape the mind. Cambridge, MA: MIT press, 2013. 320 pp.
29. Malafouris, L. Making hands and tools: Steps to a process archaeology of mind // World Archaeology. 2021. Vol. 53. No. 1. P. 38–55.
30. Malafouris, L. Metaplasticity and the human becoming: principles of neuroarchaeology // Journal Anthropological Sciences. 2010. Vol. 88. No 4. P. 49–72.
31. Malafouris, L. Metaplasticity and the primacy of material engagement // Time and Mind. 2015. Vol. 8. No. 4. P. 351–371.
32. Malafouris, L. Mind and material engagement // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2019. Vol. 18. No. 1. P. 1–17.
33. Malafouris, L. Thinking as “thinging”: Psychology with things // Current Directions in Psychological Science. 2020. Vol. 29. No.1. P. 3–8.
34. Malafouris, L. Where do you end, and the outside world begin? // New Scientist. 2013. Vol. 219. No. 2933. P. 28–29.
35. Mendoza-Collazos J., Zlatev, J. A Cognitive-Semiotic Approach to Agency: Assessing Ideas from Cognitive Science and Neuroscience // Biosemiotics. 2022. Vol. 15. P. 141–170.
36. Mendoza-Collazos, J. C. Design semiotics with an agentive approach: An alternative to current semiotic analysis of artifacts // Meaning, mind and communication – Explorations in cognitive semiotics / Edited by J. Zlatev, G. Sonesson, P. Konderak. Frankfurt am Main; New York: Peter Lang, 2016. P. 83–99.
37. Mendoza-Collazos, J. C. On the importance of things: a relational approach to agency // Cognitive Semiotics. 2020. Vol. 13. No. 2. P. 2020–2034.
38. Noë, A. Out of Our Heads: Why You Are Not Your Brain, and Other Lessons from the Biology of Consciousness. Hill & Wang, 2009. 230 pp.
39. Parisi, F. Temporality and metaplasticity. Facing extension and incorporation through material engagement theory // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2019. Vol. 18. P. 205–221.
40. Pickering, A. The Mangle of Practice: Time, Agency, and Science. Chicago: University of Chicago Press, 1995. 296 pp.
41. Renfrew C., Frith C., Malafouris L. Introduction. The sapient mind: archaeology meets neuroscience // Philosophical transactions of the Royal Society, B: Biological sciences. 2008. Vol. 363 No. 1499. P. 1935–1938.
42. Renfrew C., Malafouris L. The Cognitive life of things: archaeology, material engagement and the extended mind // The Cognitive life of things. Recasting the boundaries of the mind / Edited by L. Malafouris, C. Renfrew. Cambridge: McDonald Institute for Archeological Research, 2010. P. 1–12.
43. Renfrew, C. Archaeology and language: the puzzle of Indo-European origins. London: Pimlico, 1987. 368 pp.
44. Renfrew, C. Mind and matter: cognitive archaeology and external symbolic storage // Cognition and material culture: the archaeology of symbolic storage / Edited by C. Renfrew, Ch. Scarre. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 1998. P. 1–7.
45. Renfrew, C. Symbol before concept: material engagement and the early development of society // Archaeological theory today / Edited by I. Hodder. Cambridge: Polity Press, 2001. P. 122–140.
46. Renfrew, C. Towards a cognitive archaeology // The ancient mind. Elements of

cognitive archaeology / Edited by C. Renfrew, E. B. W. Zubrow. Cambridge University Press, 1994. P. 4–12.

47. Renfrew, C. Towards a theory of material engagement // Rethinking materiality: the engagement of mind with the material world / Edited by E. DeMarrais, C. Gosden, C. Renfrew. Cambridge: McDonald Institute for Archaeological Research, 2004. P. 23–32.
48. Schlosser, M. Agency // The Stanford encyclopedia of philosophy / Edited by E. Zalta. <https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/agency>. (Data obrashcheniya 9 avgusta 2022).
49. Theiner G., Drain C. What's the Matter with cognition? A 'Vygotskian' perspective on material engagement theory // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2017. No. 16. P. 837–862.
50. Tomasello, M. The cultural origins of human cognition. Cambridge: Harvard University Press, 1999. 248 pp.
51. Varela F. J., Thompson E., Rosch E. The embodied mind: Cognitive science and human experience. Cambridge: MIT Press, 1991. 388 pp.

Non-Classical Logics in Modern Science

lashin Boris Leonidovich

Doctor of Philosophy

Professor, Department of Philosophy, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University

117571, Russia, g. Moscow, ul. Prospekt Vernadskogo, dom 88, k.1

✉ jabor123@rambler.ru

Abstract. Non-classical logicians have significantly expanded the traditional field of using logical methods. The first of them was the three-digit logic of Y. Lukasevich. Next came the three-digit logic of A. Bochvar, the "quantum logics" of G. Reichenbach and P. Detush-Fevrier, infinite-valued, probabilistic and other logics. The possibilities of non-classical logics have become widely used in various branches of scientific knowledge. Polysemantic, fuzzy, intuitionistic, modal, relevant and paranoherent, temporal and other non-classical logics are widely used today in physics, computational mathematics, computer science, linguistics, jurisprudence, ethics and other fields of natural science and socio-humanitarian knowledge. The recently increased interest in non-classical logics is explained, first of all, by the fact that various philosophical, syntactic, semantic and metalogical problems that were previously discussed in the scientific community are being replaced by practical interests. The main source of such interest is their wide application in computer science, artificial intelligence and programming. The logic of causality is used in the interpretation of the concepts of "law of nature", "ontological necessity" and "determinism"; temporal modal logics - for modeling, specification and verification of software systems of logical control; logics with vector semantics, combining the features of fuzzy and para-contradictory logics - in solving problems of dynamic verification of production knowledge bases and expert systems.

Keywords: probabilistic logic, additionality logic, three-valued logic., relevant logic, practice, paraconsistent logic, fuzzy logic, non-classical logic, science, multi-valued logic

References (transliterated)

1. Vright G.Kh. Logika i filosofiya v XX veke // Voprosy filosofii. 1992. № 8. S. 80-91.

2. Kislov A.G. Sotsiokul'turnaya krossidentifikatsiya logiki // Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk. 2011. V, I. 11. P. 134-149.
3. Kislov A.G. Neklassicheskie logiki: aspekty deuniversalizatsii [Elektronnyi re-surs] URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/39754/1/episteme_2015_09.pdf (Data obrashcheniya: 06.05.2022)
4. Karpenko A.S. Sovremennoe sostoyanie issledovaniy v filosofskoy logike // Lo-gicheskie issledovaniya. 2003. №10. [Elektronnyi resurs] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-issledovaniy-v-filosofskoy-logike> (data obrashcheniya: 06.05.2022)
5. Karpenko A.S. Neklassicheskaya logika [Elektronnyi resurs] URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHad66c0664897ab1fe87aad> (Data obrashcheniya: 06.05.2022)
6. G. Birkhoff and J. von Neumann: "The logic of quantum mechanics", Annals of Mathematics 37 (1936), 823–843.
7. Vasyukov V. L. Kvantovaya logika. / Elektronnaya biblioteka IF RAN. «Novaya filosofskaya entsiklopediya [Elektronnyi resurs] URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH8353aee37d30fbc5402683> (Data obrashcheniya: 06.05.2022)
8. Reichenbach H. Philosophical Foundation of Quantum Mechanics Berkeley – Los Angeles. 1946.
9. Yashin B. L. Dopolnitel'nost', kvantovaya i drugie neklassicheskie logiki i sovremennost' // Neizbezhnost' nelineinogo mira. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. S. Gotta. M.: Gumanitarii. 2012. 472 s.
10. Omel'yanovskii M. E. Dialektika revolyutsii v fizicheskoy nauke // Voprosy filosofii. 1978. № 8.
11. Mes'kov V. S. Ocherki po logike kvantovoi mekhaniki. M.: Izd-vo MGU. 1986. 144 s.
12. Bor N. Izbrannye trudy. V 2-kh t. T.2. M.: Nauka. 1971. 676 s.
13. Brusentsov N.P. Iz istorii sozdaniya troichnykh tsifrovyykh mashin v MGU [Elektronnyi resurs] URL: <http://vmk78.narod.ru/Museum.files/setun-history.pdf> (Data obrashcheniya: 05.05.2022)
14. Brusentsov N.P.. Ob ispol'zovanii troichnogo koda i trekhznachnoi logiki v tsifrovyykh mashinakh. Nauchnyi otchet. M.: Izd-vo VTs MGU. № 24-VT. 1969.
15. Ivin A. A. Logika. [Elektronnyi resurs] URL: <https://www.litmir.me/br/?b=12785&p=22> (data obrashcheniya: 07.05.2022)
16. Zalenskaya N. S. Sovremennyye issledovaniya perspektivy primeneniya metodov neklassicheskoy logiki v prakticheskoy filosofii i argumentatsii. Izdatel'stvo «Gramota». № 8 (34) 2013, chast' 1. [Elektronnyi resurs] URL: www.gramota.net/materials/3/2013/8-1/21.html (Data obrashcheniya: 24.05.2022).
17. Esin A. A. Analiz sovremennykh printsipov postroyeniya sistem upravleniya na osnove modelei mnogoznachnoi logiki. UBS. 2020. Vypusk 88. S. 69–98.
18. Getmanova A. D. Uchebnik logiki. So sbornikom zadach : uchebnik / A.D. Getmanova. 8-e izd., pererab. M. : KNORUS. 2011. 368 s.
19. Ozherel'eva T. A. Primenenie veroyatnostnoy logiki v testirovanii // ITNOU: informatsionnye tekhnologii v nauke, obrazovanii i upravlenii. 2019. №1 (11). [Elektronnyi resurs] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-veroyatnostnoy-logiki-v-testirovaniya> (data obrashcheniya: 20.04.2022)

20. Zadeh L.A. Fuzzy sets // Information and Control. 1965. № 8. P. 338–353.
21. Boldyrev A. S. Primenenie deonticheskoi logiki i logiki deistvii v yuridiche-skoj praktike. Logiko-filosofskie shtudii [S.l.], v. 10, n. 4, mart 2013. ISSN 2223-3954. . (Data obrashcheniya: 24.05.2022).
22. Karpenko A. S. Logika paraneprotivorechivaya / [Tekst] A. S. Karpenko // Gumanitarnaya entsiklopediya.-Tsentr gumanitarnykh tekhnologii.-2010–2017 (poslednyaya redaktsiya: 05.09.2017). [Elektronnyi resurs]: URL: <http://gtmarket.ru/concepts/6976> (Data obrashcheniya: 07.05.2022)
23. Da Kosta N. Filosofskoe znachenie paraneprotivorechivoi logiki / N. Da Kosta // Filosofskie nauki. № 4.1982. S.114–125.
24. Bazhanov V. A. Rossiiskie istoki neklassicheskoi logiki: personalii, idei, sotsi-okul'turnyi kontekst // Logiko-filosofskie shtudii-3. SPb: Izd-vo SPbGU. 2005. S. 3-12.
25. Vasil'ev N. A. Voobrazhaemaya logika. Izbrannye trudy. M.: Nauka. 1989. 263 s.
26. Bazhanov V. A. N. A. Vasil'ev kak myslitel'. K 100-letiyu otkrytiya voobrazhaemoi logiki / V. A. Bazhanov // Voprosy filosofii. 2010. № 6. S. 103-113
27. Lukasiewicz J. Logica ztojwartosciowa. Ruch. Filozoficzny, r.V, ur. 9. Lwow. 1920.
28. Yashin B. L. Ratsional'nost' i neklassicheskie logiki // Problemy sovremennogo obrazovaniya. 2018. №1. S. 32– 47.
29. Routley R., Meyer R. K. Dialectical Logic, Classical Logic and the Consistency of the World // Studies in Soviet Thought.1976. Vol. 16. P. 1–2
30. Zaitsev D. V., Sidorenko E. A. Logika relevantnaya / Gumanitarnaya entsiklopediya: Kontsepty [Elektronnyi resurs] // Tsentr gumanitarnykh tekhnologii, 2002 –2019 (poslednyaya redaktsiya: 17.12.2019). URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6923> (data obrashcheniya: 07.05.2022)
31. Karpenko A. S. Neklassicheskie logiki versus klassicheskoi // <https://iphras.ru/uplfile/logic/karpenko/Non-classical.pdf> (data obrashcheniya: 07.05.2022)
32. Kuz'min E. V. Neklassicheskie logiki vyskazyvanii: ucheb. posobie / E. V. Kuz'min; Yarosl. gos. un-t. im. P. G. Demidova. Yaroslavl' : YarGU. 2016.160 s.
33. Nitezhuik M. S., Arshinskii L. V. Neklassicheskie logiki v zadache verifikatsii produktsionnykh baz znaniy // Informatsionnye i matematicheskie tekhnologii v nauke i upravlenii. 2020. №2 (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neklassicheskie-logiki-v-zadache-verifikatsii-produktsionnyh-baz-znaniy> (data obrashcheniya: 10.05.2022).
34. Ivin A. A. Implikatsii i modal'nosti. [Elektronnyi resurs]: URL: https://iphras.ru/elib/Ivin_implikacii.html (data obrashcheniya: 26.05.2022).

Civilizational Foundations of Socio-Humanitarian Criteria for Evaluating Technological Innovations

Malakhova Elena Vladimirovna

PhD in Philosophy

Associate Professor, Department of International Relations, National Research Nuclear University MEPhI (Moscow Engineering Physics Institute); Doctoral Student of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

115409, Russia, Moscow, Kashirskoe highway, 31

 e.v.malahova@mail.ru

Abstract. The paper states that the civilizational foundations of socio-humanitarian criteria for evaluating technological innovations are, first of all, the value-normative systems of each individual civilization, and their modification inevitably either leads to a civilizational crisis, or is its consequence. Such crises themselves are considered not so much from the standpoint of their assessment (positive or negative), but based on ideas about their systemic nature – as a kind of an error in the functioning of the system, occurring either from its insufficient ability to adequately respond to external challenges, or from inconsistency in the pace and direction of development of its individual parts. In this article, the civilizational foundations on which the criteria for evaluating scientific and technical innovations are based on the following considerations: 1) the idea that modern civilization belongs precisely to the technogenic type, based on the works of V. S. Stepin; 2) the methodology of studying civilization as an autopoietic recursive system. According to the conclusions of the article, the modern technogenic civilization does not have the fullness of the grounds necessary for the formation of a consistent holistic system of socio-humanitarian criteria for evaluating technological innovations, however, such grounds may arise provided that the current value and world outlook crisis is overcome by eliminating the contradiction between the heuristic and teleological parts of the existing worldview.

Keywords: values, crisis, recursion, autopoiesis, technogenic civilization, technological innovations, evaluation criteria, norms, system, environment

References (transliterated)

1. Maturana H., Varela F. Autopoiesis: the organization of the living // Maturana H., Varela F. Autopoiesis and Cognition. Boston, 1980. P. 63–134.
2. Luman N. Obshchestvo obshchestva. – M.: Izdatel'stvo "Logos", 2011 – 640 s.
3. Bogdanov A. A. Tektologiya: vseobshchaya organizatsionnaya nauka. V 2-kh kn. Kniga 1. M., Ekonomika, 1989. – 304 s.
4. Bogdanov A. A. Tektologiya: vseobshchaya organizatsionnaya nauka. V 2-kh kn. Kniga 2. M., Ekonomika, 1989. – 351 s.
5. Bir S. Mozg firmy. — M.: Radio i svyaz', 1993. — 416 s.
6. Stepin V. S. Nauchnoe poznanie i tsennosti tekhnogennoi tsivilizatsii // Voprosy filosofii. 1989. № 10. S. 3–18.
7. Kelle V.Zh. Tsivilizatsionnyi podkhod i problemy formirovaniya teorii istoricheskogo protsessa // Voprosy sotsial'noi teorii. 2008. Tom II. Vyp. 1(2). S. 356-374.
8. Ivin A.A. Logika otsenok i norm. Filosofskie, metodologicheskie i prikladnye aspekty: monografiya. – Moskva: Prospekt, 2016 – 320 s.
9. Anokhin P. K. Ocherki po fiziologii funktsional'nykh sistem. – M.: Meditsina, 1975. – 448 s.
10. Eko U. Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu. – SPb.: «Simpozium», 2006. – 544 s.
11. Levi-Stros K. Strukturnaya antropologiya. – M.: «Nauka», 1985. – 399 s.
12. Kant I. Kritika chistogo razuma. M., Izdatel'stvo «Mysl'», 1994. – 591 s.
13. Luman N. Vvedenie v sistemnuyu teoriyu (pod red. Dirka Bekkera). – M. «Logos», 2007 – 360 s.
14. Sadovskii V.N. Sistema / Novaya filosofskaya entsiklopediya. 2-e izd., ispr. i dopol. — M.: Mysl', 2010. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHd77bbce481b4406a90ced>

15. Struktura / Novaya filosofskaya entsiklopediya. 2-e izd., ispr. i dopol. — M.: Mysl', 2010. URL:
<https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHd078391e9cc1c83074c0d0>
16. Nazaretyan A. P. Nelineinoe budushchee: singulyarnost' XXI veka kak element megaistorii // Vek globalizatsii, №. 2, 2015, s. 18-34.

The Semiotic Method as an Aspect of the Methodology of Social Philosophy: the Experience of S.S. Averintsev

Kuz'min Platon Alekseevich

Lecturer, Department of Modern Axiological Problems and Religious Thought, Russian State Social University

52, 346 Korneychuka str., Moscow, 129226, Russia

✉ platonkuzmin@gmail.com

Abstract. The subject of the study is the correlation of the application of the semiotic method by S.S. Averintsev with social philosophy. The aim of the work is to demonstrate how and to what extent S.S. Averintsev applied the semiotic method and to identify the belonging of this method to the socio-philosophical field. The author identifies and concretizes the specifically semiotic features of Averintsev's methodology. The role of the sign in the worldview of early Byzantine society, the formation of this worldview and its adequate presentation, the sign as a reflection of the life of society and at the same time as a factor influencing it is revealed. The problem of the sign's ability to convey philosophical and theological meaning is considered. The material for the study is the work of S.S. Averintsev "Poetics of Early Byzantine literature". As a result of the work, the specifically semiotic features of Averintsev's methodology were identified and concretized. In his research, Sergey Sergeevich uses the terms "semiotics", "sign", "sign system", "structure", "context", "representation", "meaning", the concept of "word function" with varying degrees of intensity, which are characteristic of semiotics as a science.

S.S. Averintsev touches on philosophical and ideological themes. It concerns such philosophical concepts and topics as being, ontology, anthropology, goodness, transcendence, otherness, meaning. The novelty of the research is due to the fact that the semiotic aspect of Averintsev's works has not been investigated, and there are also no scientific texts devoted to the relationship of the semiotic method and social philosophy in Averintsev's works.

Averintsev reveals the correlation of the existence of society with the iconic universe. Being itself is a philosophical concept. Averintsev's work shows how meanings affect signs and the life of society, and at the same time, how signs themselves create new meanings. The Christian worldview presupposes such a view of man and society, in which a person in his unity with God is thought of as a being with the highest value and dignity in the created world.

Keywords: anthropology, meaning, sign, being, methodology, society, semiotics, social philosophy, signification, Averintsev

References (transliterated)

1. Sedakova O.A. Slovo Averintseva // Kontinent. – 2004.-№119
2. Bibikhin V.V. Aleksei Fedorovich Losev. Sergei Sergeevich Averintsev – M.: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2006. – 416 s.

3. Dvornikova E.I. Kul'tura kak bazis formirovaniya kul'turnoi identichnosti i tolerantnoi lichnosti v protsesse izucheniya gumanitarnykh distsiplin: Monografiya. – SPb.: Nauka, SAGA, 2009. – 400 s.
4. Fadeeva I.E., Sulimov V.A. Semiozis: Sub"ektivnaya antropologiya simvolicheskoi real'nosti / I.E. Fadeeva, V.A. Sulimov. – SPb.: Izdatel'stvo «Asterion», 2013. – 252 s.
5. Tvoreniya svyatogo ottsa nashego Ioanna Zlatousto, arkhiepiskopa Konstantinopol'skogo, v russkom perevode. Tom 11, Kniga 1. Izdanie S.-Peterburgskoi Dukhovnoi Akademii, 1905. S.356-469.
6. Averintsev S.S. Poetika rannevizantiiskoi literatury. – M.: «Coda», 1997. – 343 s.
7. Losev A.F. ZNAK. SIMVOL. MIF. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1982. 480 s.
8. Mechkovskaya N.B. Semiotika. Yazyk. Priroda. Kul'tura: Kurs lektsii, ucheb. posobie dlya stud. filol., lingv., i perevodoved. fak. vyssh. ucheb. zavedenii / N.B. Mechkovskaya. – 2-e izd., ispr. – M. Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2007. – 432 s.
9. Yu.M. Lotman i tartusko-moskovskaya semioticheskaya shkola. M.: «Gnozis», 1994. – 560 s.
10. Kvitkov G.G. Nekotorye metodologicheskie aspekty rabot S.S. Avernitseva // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. №372. S.110-113
11. Rattsinger, Iozef. Vvedenie v khristianstvo: lektsii ob apostol'skom simvole very. Moskva: Kul'turnyi tsentr "Dukhovnaya biblioteka", 2006 (M.: Tipografiya "Nauka") – 301 s.

A philosophical approach to the study of self-knowledge practices

Bogdanova Veronika Olegovna

PhD in Philosophy

Associate Professor, South Ural State University (National Research University)

454080, Russia, Chelyabinsk region, Chelyabinsk, Lenin str., 76, room 434

✉ verovictory@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the practice of self-knowledge used in philosophy and psychotherapy. The rich arsenal of self-knowledge methods can be combined into two groups of practices: transcendental-phenomenological and existential-phenomenological. The first practices contribute to the purification of consciousness from the worked-out mental, behavioral schemes, the second ones are aimed at constructing the "I" in accordance with the selected cultural concepts. The purpose of the study is to determine the basic principles of self-knowledge practices and to reveal their potential in the study and construction of the "I". The research is based on phenomenological, narrative and existential approaches that reveal the functional relationship of the subject with the outside world. The article gives a detailed description of the basic principles of transcendental-phenomenological and existential-phenomenological practices of self-knowledge, assesses the potential of these practices for the disclosure and formation of the "I" of the subject. The main principle of the transcendental-phenomenological practices of self-knowledge is the movement towards a pure stream of consciousness experiences that form the core of the "I". Their ideological basis is the intuitive experience of their own "I" in a state of "liberated" consciousness. Existential-phenomenological practices are carried out through the design and pronouncing of the experience of personal experiences within the framework of selected cultural meanings. The essence of these practices is to clarify self-existence by selecting fixed forms to describe

existence, which set the boundaries of the "I". The presented practices effectively complement each other, with the help of transcendental-phenomenological practices, the individual goes beyond the objectified ideas about himself, through existential-phenomenological practices he carries out self-identification.

Keywords: practices of self-knowledge, Self, Ego-identity, phenomenological reduction, existence, reflection, narrative, meditation, breathing techniques, personal construct

References (transliterated)

1. Assadzholi R. Psikhosintez. Printsipy i tekhniki. M.: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2017. 204 s.
2. Binsvanger L. Ekzistentsial'nyi analiz. M.: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2016. 272 s.
3. Borisov S.V. Filosofskaya praktika v sovremennom mire: vyzovy i otvety: monografiya. Chelyabinsk: YuUrGU, 2019. 232 s.
4. Brenif'e O. Iskustvo filosofskoi praktiki: filosofskie ustanovki // Sotsium i vlast'. 2018. № 1 (69). S. 80-87.
5. Gusser' E. Kartezijskie razmyshleniya. SPb.: «Nauka», «Yuventa», 1998. 315 s.
6. Louen A. Bioenergeticheskii analiz: teoriya i praktika. M.: Korvet, 2015. 413 s.
7. Makarov A.I. Sotsializiruyushchaya funktsiya filosofskikh praktik (na primere metoda sokraticeskogo dialoga // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 3 (18). S. 121-125.
8. Mindell E. Koma: puteshestvie istsseleniya. M.: Ganga, 2019. 496 s.
9. Sandomirskii, M.E. Zashchita ot stressa. Fiziologicheski-orientirovannyi podkhod k resheniyu psikhologicheskikh problem (Metod RETRI). M.: Izd-vo Instituta Psikhoterapii, 2001. 336 s.
10. Sartr Zh.-P. Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoi ontologii. M.: AST Moskva, 2015. 928 s.
11. Trunov D.G. Vvedenie v fenomenologiyu samopoznaniya: monografiya. Perm': Permskii gosudarstvennyi universitet, 2008. 255 s.
12. Trufanova E.O. Ya kak real'nost' i kak konstruktsiya // Voprosy filosofii. 2017. № 8. S.100 – 112.
13. Yulina N.S. Obuchenie razumnosti i demokratii: pedagogicheskaya strategiya «Filosofiya dlya detei» // Voprosy filosofii. 1996. № 4. S. 166-172.
14. Achenbach G.B. Philosophische Praxis. Vorträge u. Aufsätze. Köln : Dinter, 1984, 190 p.
15. Bogdanova V.O. Phenomenology of reduction of consciousness: comparativist approach // SHS Web of Conferences: International Scientific Conference: Achievements and Perspectives of Philosophical Studies. 2019. № 72. [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2019/13/shsconf_appsconf2019_03045/shsconf_appsconf2019_03045.html [data obrashcheniya 28.08.2021].
16. Borisov S. What is Recollection? The Deep Philosophy Group: History, Theory, Techniques. Ed. by R. Lahav. Hardwick, Vermont: Loyev Books, Pp. 94-102.
17. Botella L. Personal construct psychology, constructivism, and post-modern thought // Advances in Personal Construct Psychology. 1995. № 3. Pp. 3–36.
18. Erikson E. The problem of ego identity // Adolescent Identities: A Collection of

Readings . 2013. Pp. 223–240.

19. Gladyshev V., Miliaeva E., Meniaeva M., Neveleva V. Yes-tradition and no-tradition in the reproduction of cultural forms and cultural identity in conditions of globalization // SHS Web of Conferences: International Scientific Conference: Achievements and Perspectives of Philosophical Studies. 2019. № 72. [Elektronnyi resurs]. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/abs/2019/13/shsconf_appsconf2019_03035/shsconf_appsconf2019_03035.html (data obrashcheniya 28.08.2021)
20. Kelly G.A. (2005) A Brief Introduction to Personal Construct Theory / International Handbook of Personal Construct Psychology. 1996. Pp. 3-20.
21. Marinoff L. Philosophical practice. San Diego: Academic Press, 2002. 411 p.
22. Yalom I. Existenzielle Psychotherapie. Auflage. Bergisch Gladbach: Edition Humanistische Psychologie, 2005. 611 p.